

Х.Д.РАШ

Говорящие изнутри

Х. Д. Раш

Говорящие изнутри

«Издательские решения»

Раш Х.

Говорящие изнутри / Х. Раш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900812-1

Война лишила Али всего родного — и даже простого безмятежного детства. Трагическое одиночество приучило его к глубокому созерцательному взгляду. Он находится в постоянном процессе поиска и пытается понять, в чем его призвание, в чем смысл и цель его жизни; ему хочется постигнуть тайны людских мотивов и поступков. И в один прекрасный день в нем открывается невероятная способность, помогающая ему находить ответы на свои вопросы.

ISBN 978-5-44-900812-1

© Раш Х.

© Издательские решения

Содержание

1	6
2	16
3	24
4	28
5	36
6	40
7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Говорящие изнутри

Х. Д. Раш

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Х. Д. Раш, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0812-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Али стоял на вершине горы и созерцал бескрайние горные долины, испещренные глубокими ущельями, на дне которых стремительно, с волнующим шумом, извиваясь и сильно, в такт дующим ветрам, шипя, куда-то вдаль мчалась горная речушка с шероховатой поверхностью. По правую сторону от него, за дальней горой, неспешно, за день сияния подуставшее, опускалось багровое солнце. Он стоял на краю крутого обрыва, весь озаренный желто-красными лучами уходящего в покой небесного светила. Прохладный ветер обдувал его лицо, играючи трепля челку его недлинных волос. Али впитывал спокойствие, исходящее от окружающего вида, и ему на душе было хорошо и спокойно. Но вдруг из-под небесного свода, нарушая гармонию момента, послышался какой-то неприятный, стремительно нарастающий рокочущий шум. Внезапно встревоженный Али, задрал голову, стал нервно оглядываться по сторонам неба, в мыслях причисляя из безмятежности его вырвавшие звуки то ли военным вертолетам, то ли реактивным боевым самолетам – или же, что вернее, и тем и другим. Но ничего не было видно, а шум все усиливался, отчего становился более тяжелым и невыносимым. Окружающий вид прекрасных горных пейзажей с залитыми нежным цветом солнца кронами деревьев, зеленых альпийских склонов и крутых каменистых утесов резко начал меняться и принимать какие-то странные, искаженные формы: горы поплыли и выровнялись, шум ветра и речки совсем исчез, и вокруг внезапно стало совершенно темно. И лишь противный поднебесный рокот звучал все сильнее и сильнее.

Али резко открыл глаза, и только спустя секунды его разум смог оценить реальность. Противный звук, приписываемый им во сне военной авиации, на самом деле исходил от будильника, поставленного им на утреннюю молитву в 6:30.

Быстро вскочив с постели, он подбежал к стулу в дальнем углу комнаты (поставленного им вдали от кровати с той целью, чтобы, преодолевая путь до будильника, окончательно прогнать остатки сна), взял телефон и отключил противный звук. Вернувшись обратно к постели, он сел и с серьезно-задумчивым видом начал вспоминать свой сон. Понемножку восстановив в памяти весь сюжет приснившегося до самого момента пробуждения, Али, негодуя на будильник, расстроивший и прервавший столь прекрасное видение, пошел в ванную. В ванной, когда он, все еще сонный, стоял напротив зеркала над умывальником, ему вдруг подумалось: «А ведь этот будильник мог подождать еще хотя бы пять минут». Затем он ополоснул лицо водой, снова посмотрел в зеркало на свое отражение и, заключив: «В следующий раз поставлю на пять минут позже», почистил зубы, сделал омовение, вышел, встал на свой коврик в сторону юга и помоллся.

Али вот уже как третий год проживает один в московской однокомнатной квартире, расположенной на седьмом этаже десятиэтажного дома. Учится же он – по настоянию дяди – на ненавистном ему экономическом факультете одного из столичных университетов и четвертый год подряд посещает, слушает и заучивает нелюбимые лекции. Самого же его больше тягивает к гуманитарным наукам, в частности к философии, психологии и истории. Поэтому часть времени он посвящает учебным дисциплинам, а часть – гуманитарным. Также предметом его интереса являются книги по теологии. В иных же случаях, в минуты жажды отдушины от строгих дум, он брался за художественные произведения.

Все его расходы, включая аренду жилья и учебу, оплачивает дядя – Исмаил, проживающий здесь же, в Москве, и опекающий его с того самого момента, как он переехал в столицу России лет шесть тому назад.

До рассвета оставалось еще примерно час времени. С тех пор как Али стал жить один, он неизменно следует графику, им же самим для себя составленному. Так, согласно его суточному расписанию, после утренней молитвы он должен посвятить чтению книг от одного до двух –

двух с половиной часов, в зависимости от времени года. В основном утренними книгами были философия, богословие, психология и история; и лишь в редких случаях (во время сессии) эти книги заменялись на учебные. После же университетских занятий время делилось им между учебными и художественными книгами; в редких случаях, в состоянии особой усталости, мешавшей соображению, он мог себе позволить дневной сон до одного часа. К вечернему же сну он отходил не раньше 21:00 и не позже 23:00.

Сделав небольшую зарядку, Али прошел на кухню, включил электрочайник и вернулся к столику возле кровати, на котором были расставлены его утренние книги. Раскрыв одну из них, он погрузился в чтение. Спустя некоторое время его слух ясно уловил шелчок, оповещавший о том, что чайник вскипел. Продлив свое чтение еще на пять минут, Али пошел на кухню и вернулся с чашечкой крепкого черного кофе. Поставив чашку на стол справа от себя, он продолжил чтение, временами потягивая бодрящий горячий напиток. Пока он читал, сумерки за окном незаметно рассеялись и с улицы начали доноситься звуки городского оживления. Когда он оторвался от книги, то заметил перед собой пустую чашку с небольшим остатком давно остывшего кофе и светлый проем окна. Али взглянул на часы. Полтора часа пролетели незаметно. Закрыв книгу, он выключил свет и, слегка позавтракав, пробежался по учебным лекциям, после чего оделся и вышел. На дворе стояла свежая, морозная московская зима. Пройдя пешком десять минут, Али скрылся под землей – в метро. Проехав несколько станций, вынырнул на поверхность и, прошагав еще минут десять-пятнадцать, достиг храма науки. Зайдя в аудиторию, он прошелся между полупустыми рядами и сел за четвертой партой. До начала занятий оставалось десять минут.

Али был человеком, у которого мозг любил постоянно быть чем-то занятым: размышления, мечты, анализ, воспоминания, обдумывание всевозможных жизненных ситуаций, сюжетов прочитанных книг, услышанных рассказов, попытка чего-то понять, что-то сделать, – в его голове постоянно происходила какая-то операция, какой-то сложный внутренний процесс, который он и сам не всегда был в состоянии понять. Находясь среди людей, он любил наблюдать за ними, за их жестами, мимикой, повадками, вникать в смысл ими произносимых слов и всеми этими наблюдениями определять характерные особенности людей; он хотел угадать человека, уловить мотивы его поступков. Али находился в состоянии непрерывного анализа окружающей действительности, в ходе которого он пытался уловить некую всеобщую особенность человека, выявить самое ядро его интересов и психических особенностей. Он буквально был подвержен какой-то жажде познания людей и жизни, желанию понять, что ими движет в их устремлениях, словно хотел вывести некую общую формулу человеческой природы. Эта страсть, бессознательно зарождавшаяся в нем в годы военного детства, по мере его взросления принимала формы необъяснимой осознанности. И чем больше он в этом постигал, тем сложнее ему казалась загадка человека.

Вот и сейчас, как почти каждый день, он был занят этой внутренней работой. За годы учебы Али довольно хорошо успел узнать и изучить своих сокурсников. Слева, у окна, сидели две подруги, Оля и Вика; постоянно веселые, они шушукались вместе, а потом громко хохотали, разливая в аудитории атмосферу, которая на лицах одних вызывала раздражение, других – непонимание или забавную ухмылку. В них не было ничего примечательного, и Али не стал применять в отношении них свои когнитивные способности. За второй партой в среднем ряду сидели Наташа и Андрей, наполовину повернувшись к задней, третьей парте, которая, в свою очередь, была занята Верой и Катей. Вся эта четверка походила на душевных близнецов, с типичными тривиальными интересами и взглядами на жизнь. Был еще парень Виталий – самый тихий и нелюдимый студент всей группы, если не сказать всего университета. В своей казавшейся болезненной замкнутости он был как не от мира сего. Никто не замечал ни его отсутствия, ни присутствия. Он был для Али (который, кстати сказать, и сам не отличался особой сговорчивостью) интересен дольше всех, но, однако, спустя некоторое время его

интерес к нему тоже пропал, как и ко всем остальным. Однако в группе был один объект, вызвавший у Али познавательное возбуждение интеллекта, появившийся дня три тому назад. Это была новенькая, Аня, вышедшая из академического отпуска, взятого ею в прошлом году в другой группе. Она пока была молчаливой, и иметь о ней какое-либо представление было весьма затруднительно. Подперев ладонью голову, Али начал наблюдать за ней сзади. Объект его интереса сидел за второй партой справа, в то время как Али – за четвертой в среднем ряду, и поэтому он видел лишь ее затылок и часть левой щеки. Время от времени, когда Аня, оторвавшись от телефона, поворачивалась к группе, ему открывался весь ее левый профиль.

Тем временем в аудитории звучали слова настолько привычные, что уже казались такими же естественными, как и шум легкого дождя, и от этого было ощущение, что там тихо. Время от времени открывалась дверь и кто-то из группы со словами «Привет!» заходил в аудиторию и опускался на стул за одной из парт. В беседах приглушенно звучали слова «... новые туфли...», «... купила...», «... телефон...», «... фильм...», «... я был...», «... я ходила...» и так далее, и все это сопровождалось несмешными шутками и невеселым смехом. За две минуты до начала занятий в аудиторию зашел взрослый мужчина профессорско-советского вида, поставил свою сумку на стол, после чего грузно опустился на стул. Это был преподаватель по истории экономики. Затем он раскрыл свою папку, чуть покопался в ней, после чего снова закрыл, так ничего и не взяв.

– Итак, – сказал он, окинув аудиторию заумным взглядом, – сегодня очень важная лекция, которая пригодится вам на экзаменах... Так что, надеюсь, сегодня отсутствующих нет... Все пришли?

Взращенный советской дисциплиной, он не мог этого не спросить. Однако, не получив ответа на свой вопрос (студенты-то воспитаны после распада Советского Союза), обращенный ни к кому конкретно, он решил сузить круг ответственности за ответ и спросил:

– Где староста?

– Я здесь, – откликнулась Юля и сразу же, поняв, что от нее требуется, как школьница, доложила:

– Отсутствуют Алексеева и Сидоров. Алексеева болеет, а Сидоров сказал, что задержится на полчаса.

Преподаватель недовольно пробормотал что-то в ответ и начал говорить о новой теме.

Несмотря на важность лекции, запись ее он сделал делом добровольным и с напускной важностью старых университетских преподавателей, которая призвана ежеминутно напоминать «глупым» студентам их личное над ними превосходство, начал умудренным голосом устно читать лекцию.

Али с большим удовольствием воспользовался выбором не записывать то, что не вызвало в нем никакого интереса. И в скором времени он заметил, что этим правом также воспользовались еще несколько человек, и новенькая в том числе.

Преподаватель расхаживал по аудитории то влево-вправо поперек доски, то по рядам парт и монотонным голосом спокойно раскрывал содержание своей лекции. Али сидел, подперев ладонью голову таким образом, что кончики слегка раздвинутых пальцев левой руки касались его левого виска. Он все еще рассматривал новенькую, которая копалась в телефоне.

И вдруг в этот самый момент он четко услышал, как кто-то сказал: «Да ладно, тоже мне, нашел проблему». Али резко выпрямился и стал, вертя головой, оглядываться вокруг – и даже назад посмотрел, хоть и знал, что позади него никого нет. Успокоив себя тем, что ему это всего лишь почудилось, он вернулся к своему прежнему состоянию.

Мысли, протяженность лекции, монотонный голос лектора – все это спустя некоторое время усыпляюще подействовало на него. То его веки опускались, то поднимались, то он проваливался в сон и оказывался в каких-то странных местах, то возвращался в реальность, в аудиторию со студентами и читающим нудную лекцию пожилым человеком. И вот в очередной раз,

закрыв глаза и пока еще находясь в промежуточном состоянии полузабытья, когда сознание медленно и незаметно уступает бессознательному сну, ранее звучавший голос спокойно начал говорить: «Ее внешний вид, манера сидеть и черты лица явственно свидетельствуют о том, что она не обременена интеллектом». Как только Али открыл глаза, голос умолк. И он снова стал настроенно озираться вокруг себя. Но на этот раз он был не так сильно озадачен, как десять минут назад, потому что теперь это уже можно было списать на голос из сна.

Взглянув на новенькую еще разок, он, как ранее, навалился на руку и закрыл глаза. Минуту спустя знакомый голос быстро выпалил: «Сидит, наверное, в одной из соцсетей и читает глупые статусы или не менее глупые сообщения. Она воплощение современной молодежной банальности. Не занимай МЕНЯ вещами бессмысленными».

Али вздрогнул, открыл глаза и вновь стал рассеянно оглядываться по сторонам. Голос, как и прежде, умолк, как только он пришел в себя. В этот момент прозвенел звонок – пара закончилась. С трудом просидев еще две пары, но уже без «голоса», Али вышел на улицу.

Стоя перед зданием университета, он думал, куда ему податься. У него был обычный выбор из трех пунктов:

- Пойти домой, покушать, отдохнуть и взяться за книги.
- Погулять и посидеть в парке, по пути перекусив в каком-нибудь фастфуде или закуской.
- Позвонить одному из знакомых и предложить встретиться где-нибудь посидеть.

Пока он стоял и думал, решение само пришло в пользу более редкого, третьего пункта. Ему позвонил Тимур и предложил приехать в торгово-развлекательный комплекс «Европейский» (популярное место встречи и времяпрепровождения многих чеченских ребят), сказав, что Умар тоже сидит рядом с ним.

Али, Умар и Тимур – это представители трех разных категорий молодых чеченцев, проживающих в Москве. Чтобы узнать, что есть такие категории, Али понадобилось некоторое время, когда он впервые попал в этот мегаполис.

Когда Али только приехал в Москву, а случилось это, как уже было упомянуто выше, лет шесть тому назад, он попал в среду беспечных подростков с узким кругом интересов и нехитрым образом жизни. Вначале это в нем вызвало удивление и даже какое-то резкое отторжение. То, что он видел здесь, разительно отличалось от всего, что он знал доселе. Его представление о жизни, времени, людях – все было другим, нежели здесь. И все же он понемногу привык, а спустя какое-то время начальная контрастность для него и вовсе исчезла. Однако на исходе второго года столичной жизни и накануне своего студенчества обычная жизнь московского подростка ему наскучила: он окончательно понял, что это не его. Тогда Али записался в спортивную секцию. В спортзале встретился и подружился со многими земляками-чеченцами. Это были правильные ребята. И правильность их заключалась в том, что они не употребляли алкогольные напитки, не курили, занимались спортом и регулярно по пятницам посещали мечеть. Али понял, что это и является его кругом. Он быстро подстроил свой образ жизни под их и легко вошел в колею столичной жизни правильного чеченца.

Потом, чуть позже, он сблизился с еще одной прослойкой своих земляков. Это так называемые «бродяги», приехавшие покорять Москву. То были истинные представители «потерянного поколения» конца XX века, детство которых, как и детство самого Али, застряло в вакууме между двумя российско-чеченскими войнами. Многие из них, впервые приехав в Москву, начинали с работ на стройплощадках. Но затем перед их взорами открывалась другая жизнь, жизнь достатка и роскоши, что бесстыдно и заманчиво демонстрировалось повсеместно дорогими машинами на проезжих частях, элитными ресторанами, ночными клубами и бесконечными рассказами и легендами, повествующими о том, как легко и просто всего этого достичь. На этом фоне будущие бродяги считали свое горское достоинство ущемленным и начинали испытывать презрение к тому, чем они занимались, – к стройке, параллельно с этим убежда-

ясь в мысли, что в этом мегаполисе и среди этого общества не составит особого труда быстро и легко разбогатеть, ведь здесь везде крутятся большие деньги.

Это поколение пережило две войны, оно закалено страхом, смертью близких, лишениями. В то время, когда их сверстники в других городах и странах игрались водяными пистолетами, они уже имели опыт стрельбы из боевых автоматов и пистолетов, а их ранней забавой были игры с боеприпасами, которые они находили в блиндажах и городских руинах после войн. Также все еще были свежи на слуху легенды о былом могуществе чеченской мафии в Москве в начале лихих девяностых, влияние которой было ослаблено российской правоохранительной системой принципиально в преддверии и в период Первой российско-чеченской войны.

Основной вид деятельности бродяг – отбивание долгов, «крышевание», вымогательство, грабеж. Кража среди них, особенно мелкая, считается делом низким и даже постыдным. Но также не возбраняются и законные способы наживы, если такие имеются. Подобные занятия на территории государства, бомбы которого падали на их дома годами, унося жизни их родственников и знакомых, не казались их разуму и морали, еще в детстве испытанным горестными войнами, чем-то предосудительным.

Среди бродяг тоже были «правильные» и «неправильные». Правильные время от времени тоже посещали спортзалы и ходили в мечеть; также были дела, на которые они не шли по религиозно-моральным соображениям. «Неправильные» же представляли их полную противоположность. Однако же, когда требовалась всеобщая мобилизация, они, сплоченные сознанием необходимости единства частиц маленького народа, проживающего на чужой территории, представляли один лагерь.

В результате Али подружился со многими «правильными» и «неправильными» ребятами. Несколько раз в качестве вызванного помощника участвовал во многих стычках, в которых заработал перелом двух ребер, многократно разбитое лицо и несколько посещений отдела полиции, тогда еще именовавшейся милицией.

Однажды, после того как дядя в очередной раз приехал за ним и забрал его из «обезьянника», как именуют в народе следственный изолятор, они сели в машину и выехали из участка, влившись в бесчисленные потоки машин. Али чувствовал себя очень неловко перед дядей Исмаилом. И то, что Исмаил не проронил ни единого слова с момента их встречи, лишь усиливало неловкость молчания. Машина остановилась напротив одного из элитных московских ресторанов. «Выходи», – сказал сухо Исмаил, вылез из машины и направился к входу ресторана. Али пошел за ним.

День был будничным, а час – довольно поздним, и поэтому внутри было мало народу. Они сели за дальним столиком возле окна. За окном мерцали густо светящиеся фонари движущихся машин, что вместе с фонарными столбами рассеивали тьму ночи. Томительное молчание и недовольно-серьезное выражение лица дяди все еще пребывали в неизменности.

Исмаил был человеком справедливым и добрым той сдержанной добротой, которая проявляется без игривой мягкости. Такие люди имеют обыкновение проявлять акт заботы в той строгой форме, в какой иные – акт наказания. Если Исмаил, протягивая тебе деньги, говорит: «Бери», то это выглядит так же, как если бы грабитель, наставив на тебя пистолет, сказал бы: «Гони бабки». И ты в той же мере не можешь отказать первому, как и второму. Но ты всегда уважаешь личность, оказывающую по отношению к тебе ту заботливую строгость, которая не терпит возражений, когда речь идет о твоём благополучии, и понимаешь, что за его твердой оболочкой суровости скрывается нежная любовь. Подобных людей, испытывая перед ними почтительный страх, как правило, и любят, и уважают. И именно такие чувства, чувства трепета и благодарности, испытывал к дяде Али. К тому же авторитет Исмаилу придавало и его прошлое, о котором Али узнал здесь от посторонних людей. Исмаил был не последней фигурой в системе чеченской мафии в начале девяностых. Но, однако, его участие в мафиозных структурах, как говорят, было коротким. Он, воспользовавшись подвернувшимся случаем, быстро

перешел на легальный бизнес. И все почтенные люди, которые пересекались с ним в деловых путях, имели сказать о нем лишь похвальное слово.

Спустя некоторое время подошла официантка с двумя папками меню, поздоровалась, положила две папки по одной перед каждым и удалилась. Исмаил взял меню, развернул и, вперившись глазами в названия разных блюд, как-то строго сказал:

– Возьми и выбери себе что-нибудь.

– Нет, дядя, спасибо. Я не голоден, – робко ответил Али.

– Бери, бери! Ты ведь там провел восемь часов. Не думаю, что менты тебя хорошо кормили, если вообще кормили, – спокойно сказал Исмаил, все еще не поднимая глаза с меню.

Али послушно взял меню, прошелся по нему глазами, закрыл и положил обратно.

– Выбрал? – спросил Исмаил.

– Да.

– Хорошо. И что же?

– Кофе и штрудель.

– Гм! Ну ладно.

Исмаил подозвал официантку и, когда она, держа в руке небольшой блокнот и ручку, подошла, сказал:

– Принесите нам, пожалуйста, вот это. – Он провел пальцем по странице меню сверху до половины листка, потом перекинул страницу и, так же проведя пальцем с середины до самого конца по наименованиям разных блюд, сказал: – И это.

– Извините, – непонимающе сказала официантка, вам...

– Да, – вежливо прервал ее Исмаил, – принести нам, пожалуйста, все, что у вас есть из того, на что я вам только что указал.

– Хорошо, – сказала официантка, но для верности, уточнив еще раз, что именно заказал клиент, сделала пару заметок в своем блокноте и начала удаляться.

– И да, – обратился к ней Исмаил и, когда та приостановилась и повернулась, сказал: – Принести по мере приготовления. Мы очень голодны.

– Хорошо, – сказала официантка еще раз и удалилась.

Минут пять без движения и слов понаблюдав улицу через витрину ресторана, Исмаил, не отводя взгляда от стекла, спокойно начал говорить.

– В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, когда я родился, прошло уже шесть лет с того времени, как нам, чеченцам, было позволено вернуться на родину из ссылки, куда, как ты знаешь, зимой сорок четвертого по приказу Сталина сослали весь наш народ. А твой отец родился в ссылке, и, когда мы вернулись, ему шел восьмой год. За те тринадцать лет нашего отсутствия на родной земле многие дома чеченцев были заселены русскими и представителями некоторых других национальностей. Ведь Сталин не намеревался позволить нам вернуться через тринадцать лет. Да он и не позволил бы, если бы дожил. Многие по возвращении обнаруживали в своих домах семьи, которые считали, что это уже их дома. Происходили стычки, ссоры и даже убийства. Многих, конечно, все же выгнали. Но у нашей семьи была другая ситуация. Во время выселения у отца в качестве дома было небольшое жалкое строение из глиняных кирпичей. Жилище это было настолько невзрачным, что туда никто и не стал заселяться. И за тринадцать лет заброшенности оно почти совсем развалилось. Когда наша семья вернулась домой, нашим с тобой отцам приходилось ездить в лес, срубить деревья, точить, пилить и использовать их для строительства дома. Помогала им в этом только мать. Пока длилось это строительство, их настигла зима, к концу которой они и завершили постройку подобия дома, в котором позже появлялись на свет, жили и росли Идрис, Зулихан и я.

Твой отец был приучен к трудностям с раннего детства. А я был лентяем... наверное, потому, что мне не довелось так страдать, да и берегли меня, как младшего. И берег, в первую очередь, твой отец. Он умел беречь всех, кроме себя самого. Он был из той породы трудя-

щихся, строгих и добродушных людей, постоянно заботящихся о благополучии своих близких и родных, а сами безропотно проживающих тяжелую жизнь. А я был из той породы, которым все доставалось слишком легко и которые поэтому считают, что так и должно быть, что другие обязаны создавать мне эти условия и что это им даже должно быть в радость. Когда ты не видишь, какого труда стоит твоим близким и родным создать тебе хорошие условия, тогда ты и благодарным не бываешь. И лишь спустя какое-то время ты осознаешь, на какие жертвы они шли, чтобы ты находился в тех хороших условиях, когда ты уже можешь пренебречь их трудами и поддержкой. И тебе очень повезло, если ты успеваешь это понять и отблагодарить их за это до того, как их совсем потеряешь...

Думаю, я успел кое-чем его отблагодарить. В начале девяностых, когда у меня здесь все шло хорошо, я купил ему дом в Грозном, в котором вы жили, и обставил его мебелью, хоть сам и ютился здесь в однокомнатной съемной квартире... Но все же я чувствую себя виноватым и в долгу перед ним, ибо всем, что у меня есть, я обязан твоему отцу. Он работал на стройках по всему Союзу, чтобы я мог без материальных забот учиться в одном из лучших университетов Москвы... Помню, как он сильно и искренне радовался, когда узнал, что я окончил его с отличием. – Исмаил умолк и посмотрел на улицу, чтобы дать нахлынувшим чувствам успокоиться и отойти, а затем продолжил: – Когда началась Первая война, я предложил ему и Идрису (второй дядя Али) переехать сюда. Тогда дела у меня, как в целом и по всей России, были не очень, и я по-прежнему жил в своей съемной однокомнатной квартире. Но если бы они приехали, я нашел бы средства снять еще одну квартиру. Но даже если бы и не нашел, то нашел бы для себя одного другое место, поселив вас там... Я очень долго его уговаривал, просил хотя бы вас прислать. Но он принципиально не соглашался. С одной стороны, он боялся, что мне будет трудно, а с другой – не хотел никуда уезжать... Да, смерть, судьба и все такое... никуда не убежишь, конечно. Нам всем чрез это пройти. Но все же жалею, очень жалею и считаю себя перед ним виноватым, что не поехал в Грозный и не выволок его вместе с вами оттуда, что хотя бы не постарался... И вот его нет, нет многие годы. Но есть его единственный сын, сын моего ныне покойного старшего брата – есть ты!.. Послушай меня, сынок. Я хочу, чтобы ты добился большего, чем мои собственные дети. Говорю это прямо, потому что уверен в искренности своих слов. И мне приятно иметь такое желание не только потому, что ты сын моего покойного брата, но и потому, что вижу в тебе достоинство своего отца. – Исмаил снова выдержал паузу, только на этот раз это уже была пауза размышления, а не успокоения, как в первый раз, и затем сказал: – Кто такой рожденный ребенок?

В этот момент пришла официантка с подносом и стала аккуратно раскладывать на столе перед ними тарелки с блюдами. Исмаил умолк и стал в молчаливой задумчивости наблюдать за ее движениями. Когда же она закончила и удалилась, он сказал:

– Кушай...

Али медленно взял вилку и нож и стал неспешно пробовать одно из блюд.

– Так вот, – продолжил Исмаил прерванную мысль, – кто такой ребенок? Это нулевой уровень знаний, нулевой уровень опыта. В нем пока есть только инстинкты, необходимые ему, пока он будет набираться знаний и опыта. Итак, ребенок – это всего лишь подобие глины, из которой родители и другие окружающие, подобно гончару, могут лепить угодные им фигурки. Но чем больше проходит времени, тем сложнее лепить, потому что глина начинает затвердевать, в результате чего перестает поддаваться лепке. Так же и человек – со временем, набравшись некоторых знаний, он приобретает свою форму мировоззрения и характера. Тогда уже его бывает сложнее в чем-то переубедить, перевоспитать, ибо его ценности, характер и мировоззрение начинают твердеть и укрепляться. И подростковый возраст – один из этапов значительного «затвердения» человека. Ты пришел в Москву именно в этом возрасте. И поэтому я не стал особо тебя наставлять, загружать советами, читать мораль. Я, ограничившись лишь некоторыми напутствующими словами, ждал, пока ты сам начнешь видеть,

понимать и ошибаться. Ребенку, который еще никогда не обжигался, можно много и хорошо говорить, чтобы он не приближался к печи... Но он все равно тебя не поймет, потому что ему непонятно чувство боли, испытываемое при ожоге. Но стоит ему лишь разок обжечься – и нужда убеждать и уговаривать его не подходить к печи отпадет: он уже будет вырываться из рук и плакать, если кто-нибудь попытается его насильно подвести близко к огню. Это особенность всех людей, а не только детей. Вот я и ждал, пока ты начнешь «обжигаться». Я сухо давал тебе советы, чтобы тебе было над чем призадуматься. Но, повторяюсь, не утруждал себя и тебя чтением бесполезных нравоучительных лекций. Ты иногда возвращался домой слишком поздно – я ничего не говорил; я замечал у тебя на лице синяки – но делал вид, что ничего не вижу, и каждый из нас занимался своим делом. Вернее, я делом, а ты в основном ерундой. Когда тебя впервые в отдел забрала милиция, я прождал ровно два часа, потом приехал и забрал тебя. Когда милиция тебя забрала второй раз – я прождал четыре часа и только потом приехал за тобой. На этот раз я позволил тебе сидеть в «обезьяннике» восемь часов. Знаешь почему? Чтобы у тебя было побольше времени подумать и сделать выводы. Чтобы получше почувствовал, что значит провести в тюрьме часы, а что – годы. Я давал тебе слегка «обжигаться», чтобы ты уберег себя от губительных «ожогов» в дальнейшем. – Исмаил сделал паузу, неспешно промочил горло одним из принесенных напитков, а затем сказал: – Но если ты и сейчас ничего не понял, то ты ничего и не поймешь. – Он снова повернулся к витрине. Потоки машин значительно поредели. – Знай, – сказал он, продолжая смотреть на улицу за окном, – если тебя еще раз заберет милиция, я уже не стану ждать, а сразу же выеду и постараюсь тебя вытащить. Если заберет десятый раз – то я и в десятый раз приеду и постараюсь добиться твоего освобождения. Если мне для этого придется продать весь свой бизнес, то я и это сделаю, я просто обязан это сделать. Но вопрос не в этом. Вопрос в том, устроит ли тебя самого это?.. Али, я привел тебя сюда, в Москву, лишь для того, чтобы у тебя были хорошее образование, работа и безбедная жизнь. Но если ты скажешь, что Москва тебя портит и ты желаешь вернуться в Грозный, то мне не составит никакого труда купить тебе там квартиру, устроить на учебу, помочь с работой и так далее. Но я хочу, чтобы ты хотя бы окончил университет и получил достойное образование. Потом уже поступим так, как ты того пожелаешь. Ну, что скажешь?

– Спасибо за все, дядя... Как бы я ни поступал, я понимаю и ценю твою заботу и внимание...

– Оставь свою благодарственную речь, – прервал его Исмаил, – и ответь на вопрос.

– Да, я закончу учебу.

Официантка пришла во второй раз и стала бесшумно переключать тарелки с едой с подноса на стол.

– Вот и славно, – сказал Исмаил, не дожидаясь, пока она закончит. – Знаешь, а ведь не все так плохо. – Исмаил как-то оживился и даже повеселел. – Примерно неделю назад ко мне обратилась Амина, сказав, что Мансур и Асхаб мешают тебе читать книги. – Официантка ушла. – Я порядком удивился и спросил, что за книги ты читаешь. Она не знала. Тогда я зашел в вашу с детьми комнату и увидел твои книги. Знаешь... философия, история, всякие там романы и так далее – это, конечно, тоже хорошо, но мне было бы намного приятнее, если бы это были книги по твоей программе в университете. Но как бы там ни было, я рад, что ты увлекаешься чтением, наукой. Так вот, на второй день после этого случая, сидя у себя в кабинете, я все это внимательно обдумал. Человеку, который читает, учится, непременно нужно мыслить, чтобы понимать и разуть то, что он читает и изучает. А чтобы мыслить, нужна тишина и покой. В нашей квартире у тебя таких условий, понятное дело, нет. И я решил, что тебе надо снять отдельное жилье. Единственное, чего я боялся, так это то, что ты и, может быть, некоторые наши родственники... да и посторонние, пожалуй, тоже, подумают и даже будут говорить, что я выжил своего племянника из собственной квартиры, что ты стал мне лишним и тому подоб-

ное. Но в последующие дни наблюдения за тобой я убедился, что покой тебе все же необходим. И буквально вчера я снял однокомнатную квартиру, которая находится где-то посередине между нами и твоим университетом. Вся необходимая мебель там уже имеется, тебе остается только взять свои вещи и заселиться. Хозяину я заплатил аванс, чтобы он ее пока попридержал. Если тебя такой вариант устраивает и если устроит эта квартира, то мы ее возьмем до конца твоей учебы. Но если тебе удобнее жить с нами, то я с удовольствием откажусь от этой затеи. Итак, решать тебе. Что ты выбираешь?

– Дядя, я... я не хочу обременять тебя лишними затратами. Ты мне и так здорово...

– Постой! – прервал его Исмаил, – здесь вопрос не стоит о затратах. Если в уединении ты сможешь лучше учиться – то мне плевать на расходы. В школе ты учился неважно, и это я как-то могу понять. Но сейчас ты на первом курсе, и я хочу, чтобы хотя бы вуз ты закончил более успешно. Итак, я еще раз тебя спрашиваю: ты сможешь лучше учиться, если будешь жить один? Ответь мне: да или нет.

– Да, но...

– Никаких но. Решено, квартиру берем. Вот. – Исмаил достал из внутреннего кармана пиджака ключи и блокнот. Затем развернул блокнот, вырвал из него листок и передал его Али вместе с ключами. – Это ключи от той квартиры и адрес. Завтра же поезжай и осмотришься. Если тебя устроит, можешь заселяться когда тебе угодно. С хозяином я сам поговорю. Понял?

– Да. Спасибо, дядя!

– Ерунда, сынок... Что-то ты мало покушал. Что так, а? Болен, что ли?

– Нет, я прилично поел. Просто ты слишком много заказал.

– Это не много. Когда перекочуетесь на квартиру, будешь почаще приходиться к нам обедать и ужинать, понятно? Как минимум два раза в неделю чтобы кушал у нас. Это приказ! А так можешь приходиться хоть каждый день, буду только рад. Вот еще. – Исмаил аккуратно отодвинул левую половинку пиджака, сунул руку во внутренний карман, вынул банковскую карточку и протянул Али. – Вот, держи. Каждый месяц я буду переводить на нее деньги – на питание и карманные расходы. Деньги за этот месяц я на нее уже перевел. Так тебе будет удобнее.

– Спасибо... – Али как-то неуверенно и робко протянул руку и взял карточку. Он был безмерно благодарен дяде, и ему внезапно как-то стало стыдно за упущения в учебе и поведении, и также он понял всю свою ответственность перед этим человеком.

– Здесь, Али, в Москве, нас никто не любит... Да что там нас – здесь никто никого не любит, да и не обязан. Это мегаполис – место, где все и отовсюду рвутся разбогатеть, прославиться, сделать карьеру. Здесь царствуют алчность, жестокость, предательство и зависть. Все пороки человечества в одном городе. Один человек не может этого изменить. Это система, понимаешь? Система! Нужен некий компромисс. Это не значит, что ты должен быть таким, как все. Тогда ты пропадешь. А если ты пропадешь как личность, то мне и к черту не нужно твое образование и благополучие, потому что в таком качестве оно не устроило бы и твоего отца. Хочешь помогать друзьям? Хорошо, помогай! Но знай, кому помогаешь и как лучше это сделать. И еще, постарайся сначала сам чего-то добиться, тогда у тебя будет больше возможности быть полезным своим близким и друзьям, и твоя помощь тогда будет весомее, чем помощь голых кулаков. Итак, мой тебе совет: не становись образованным, богатым и эгоистичным подлецом, но и безрассудно-благородным дураком тоже не будь. Выбери нечто оптимально-среднее. Это и есть компромисс. Ты же понимаешь, о чем это я, а?

Али кивнул в ответ.

– Очень на это надеюсь, – сказал дядя.

Затем Исмаил позвал официантку и рассчитался с ней. После чего они вышли и поехали домой.

С тех пор прошло почти три года. Учился Али, как и обещал, хорошо. К милиции больше не попадал. Близких друзей у него особо и не было, а со знакомыми приятелями встречался

раз в две недели. Почти все его время было поглощено чтением книг, учебной и одиночными прогулками в парке. Строго два раза в неделю, как и обещал, он ходил к дяде на ужин.

2

– Когда Али зашел в «Европейский», Умар и Тимур сидели за столиком в середине зала.
– Ассаламу алейкум, – сказал Али, пожимая руки привставшим товарищам, и в ответ прозвучали слова «Ваалейкум ассалам».

– Умар был «правильным» бродягой с благородными качествами. Его старший брат, ушедший добровольцем на войну в период Второй войны, погиб в известном сражении в предгорном селении Комсомольское в 2000 году. Отец же его скончался в автокатастрофе, когда Умар был еще совсем ребенком. Таким образом, из семьи у него остались одна замужняя сестра и мать, более состаренная переживаниями, нежели годами. В Москву Умар приехал года четыре тому назад на заработки, чтобы прокормить себя и уже больную мать. Но на стройке он проработал лишь пару месяцев.

В университете он не учился, книг не читал. Но он был представителем той редкой породы людей, что черпают знания из вольной ситуативной жизни, без теории переходя прямо к практике. От природы наделенный прекрасным умом и особым восприятием, он делал весьма обстоятельный анализ пережитого – такой, что, имея он желание и владея должным образом словом, мог бы написать прекрасные труды на многие жизненные темы. Но к науке, как правило, такие знания нельзя приложить, хоть они ценны и глубоки в области познания человека и бытия в условиях каждодневной жизни. Он был носителем тех глубоких знаний, которые нельзя черпать ни из одной книги в мире, – уличной психологии и бродячей мудрости. Глубоки эти знания потому, что они черпаются не только разумом (как это делают те, кто читают книги или слушают лекции), но еще и сердцем и эмоциями, то есть страх риска, гнев, нужда, радость и надежда – все это принимает непосредственное участие в процессе улично-бродячего познания. Реальным переживанием эмоционально подкрепленные знания бывают намного основательнее и шире, чем знания, приобретенные в уютном кабинете или аудитории (а те эмоции, что человек испытывает во время чтения от воображаемых разумом сцен – если он их вообще испытывает, – это слишком незначительное и поверхностное их – эмоций – проявление).

И все же носителей таких знаний не принято считать образованными, и не только потому, что их знания ненаучны и что они плохо владеют словом, чтобы через него выразить свои глубокие мысли, приобретенные опытом жизни, но еще и потому, что у них нет диплома об образовании.

Однако от людей научно образованных их отличает не только отсутствие академических знаний и подтверждающего их документа, но еще и характер. Несмотря на их хваткий и проницательный ум, быстрое соображение и способность чувствами и мыслями, связав их воедино, глубоко проникать в суть пережитого и испытанного, – несмотря на все это, характер натуры безрассудно бросает их в гущу рискованных дел, о последствиях которых они не любят думать, даже если подсознательно понимают, какими плачевными они – последствия – могут для них оказаться. Вот в этом-то и заключается основное их отличие от первых.

А что касается Тимура, то это был студент-заочник, судьбы более легкой, чем у двух его товарищей (все члены его семьи были живы, а во времена войны он жил в Москве). Когда-то он учился неплохо, но позже из-за усиленных занятий спортом, а точнее – боями без правил, все свое время посвящал тренировкам, учебе отдавая лишь дань формальности. Он был хорошим парнем.

– Заказали что-нибудь? – присаживаясь, спросил Али.

– Нет, тебя ждем, – ответил Тимур.

– Официантка! Красавица! Будь добра, подойди к нам на минутку, – крикнул Умар.

Через мгновение официантка, поздоровавшись и вежливо спросив, что они пожелают заказать, стояла возле их столика, держа в одной руке ручку, а в другой – блокнот для записи заказанных блюд и напитков.

– Вы двое у нас редко выходите на люди, так что заказывайте что вам угодно, – обратился Умар к Али и Тимуру. А затем, уже обращаясь к официантке, сказал: – Марина (он прочел ее имя на бейджике, что висел у нее на груди), вы, я так понимаю, здесь новенькая, да?

– Да, – ответила та, записывая заказы Али и Тимура.

– Очень рад. Поскольку на мне нет бейджика, как у вас, то разрешите представиться – Умар.

– Очень приятно, – ответила девушка с какой-то сухой вежливостью, на мгновение изобразив натужную улыбку, и, закончив с приемом заказов, удалилась.

– А она милая, правда? – обратился Умар к товарищам, умиленно глядя вслед уходящей девушке.

– Да для тебя все девушки милы, – сказали ему те двое в один голос.

– Да нет, не все, – ответил Умар с какой-то задумчивостью, все еще впившись взглядом в невидимый силуэт уже скрывшейся официантки. – Ну, рассказывайте. – Он переключил взгляд и мысль на своих товарищей, оживился и сел поудобнее. – Что у вас нового по жизни? Какие успехи и достижения?.. Хотя нового по жизни может быть только у меня, а у вас одно и то же: у тебя, Тимур, спорт, а у Али – книги и учеба. Что может быть нового у людей, живущих такой однообразной скучной жизнью? Ни-че-го!

– Ну так ты поведай нам о своих свершениях и больших достижениях, – смеясь, обратился к нему Али.

– Ну что ж, дети мои, так и быть, расскажу я вам одну историю, произошедшую со мной недели две тому назад. Короче, – Умар подался вперед, опершись на руки, сложенные на столе, – в позапрошлый вторник к нам обратилась одна женщина, по имени Виктория... Кстати, это имя ведь что-то там означало...

– Победа, – сказал Али.

– Что?

– Виктория в переводе с латинского означает «победа».

– А, да, конечно... Хм, подходящее у нее имя... Так вот, дело у нее к нам было довольно банальное – спалить предприятие по производству пластмассовых бутылок, принадлежащее некоему Александру... Кстати, – обратился он к Али, – а у этого имени есть значение?

– Да, – ответил Али, – оно с греческого переводится как «защитник».

– Хм... – сказал Умар с какой-то задумчивостью. – Вот ему это имя явно не подходит, ибо ни черта он не смог ни защитить, ни уберечь. Короче, когда выясняются детали, то понимаешь, что все не так уж и просто. Во-первых, от этого Александра ей не нужны никакие деньги. Ну, знаете, обычно бывают заказы спалить или разгромить чье-либо предприятие, магазин, ресторан и так далее или же прижать лично самого хозяина этих предприятий, если он отказывается отдавать долг или платить дань. Но тут совсем не так. А во-вторых, Александр, заводик которого она пожелала уничтожить, являлся другом ее покойного мужа Владимира... А у этого имени есть значение? – спросил Умар в третий раз у Али, заметив в значениях первых двух имен некое совпадение с рассказываемой им историей.

– Ну, это что-то вроде «властитель мира», точно не помню...

– Ха-ха-ха, – Умар расхохотался во всю глотку. – Не, ну это анекдот какой-то, – сказал он, вдоволь насмеявшись, и, уже пытаясь заглушить порывы смеха, сказал: – Вот этот-то как раз ни над чем и не властвовал, – после чего снова захохотал. – Это надо же, в трех именах сокрыта вся моя история. Итак, на чем это я остановился?.. Ах да, короче, этот «Защитник» является другом покойного мужа «Победы», которого зовут... – У Умара снова появились

попытки к смеху, которые он постарался сдерживать, но, как только произнес «Властитель мира», его прорвало и он снова расхохотался.

– Пока ты веселишься от своего рассказа, мы тут сидим с серьезными выражениями лиц, как два идиота, – сказал Тимур.

– Нет, погодите, вы сейчас все поймете... Я же рассказываю. Итак, женщина делает заказ на уничтожение предприятия, принадлежащее другу ее покойного мужа – казалось бы, стерва, да? – Умар с выжидательной улыбкой обратился к товарищам.

– Нет, почему же? – отвечает Али. – Суть ее предложения выявит мотив. Ибо нельзя и глупо судить о поступке человека, пока не обнаружена причина, толкнувшая его на этот поступок.

– Совершенно верно, – сказал Умар. – Ибо такой мотив у нее был. Когда-то Владимир (это ныне покойный супруг обратившейся к нам Викторией) и Александр – владелец того завода... вернее, теперь уже бывшего завода, были друзьями и в какой-то момент решили открыть общее дело. Инициатива принадлежала покойному Владимиру. Они вложили равную долю и запустили этот завод по производству пластмассовых бутылок. Вначале, разумеется, дела шли не очень хорошо. Но со временем заказы увеличивались, доход возрастал и предприятие ширилось. В этот подъемный период у Владимира, мужа нашей клиентки, вдруг диагностируют рак, и он ложится в больницу. Александр, соблюдая внешнюю атрибутику дружбы и делового компанейства, навещал Владимира в ранний период его болезни, обещая его супруге, Викторией, всяческую помощь и поддержку. Но когда состояние у Владимира совсем ухудшилось, когда он стал уродливо худым и лысым, а близость его смерти – очевидной, Александр совсем исчез. Когда же Виктория поехала к нему домой и попросила денег из доли ее мужа, сказав, что больному на лечение и ей самой с двумя детьми требуются средства, то... Как думаете, – вновь обратился он к двум сидящим за столом товарищам, – что тот ей ответил? Он сказал, что дела идут очень плохо, но, поскольку Владимир его друг, поможет чем может. Он, рассказывает Виктория, пошел в другую комнату и вернулся – не угадаете – с тремя тысячами рублей. Виктория говорит, что она не взяла эти деньги, а молча развернулась и ушла. А дела в это время у Алексея шли в гору. Виктория позже узнала это от кого-то.

– Да мы иногда обедаем на большую сумму, – сказал Тимур.

– Она же могла через милицию или, как у них это там делается, через суд вернуть долю своего покойного мужа, – сказал Али.

– Нет, не могла. У нее не было юридических оснований. Дело в том, что все предприятие было оформлено на Александра. Короче, еще до того, как они начали это совместное дело, на имя Александра уже была зарегистрирована одна фирма. Поскольку фирма эта существовала только на бумаге, ее Александр и предложил в ход пустить, сказав, что в дальнейшем они все оформят соответствующим образом. Это спасало их от некоторой части бюрократической возни и экономило время, а если к этому еще прибавить их старые дружеские отношения, то отказаться от такого предложения Владимир просто не мог. Так вот, Александр продолжал навещать своего друга в больнице, рассказывать, что дела у них идут не очень, но что тому нечего беспокоиться и так далее, до тех пор, пока Владимир совсем не зачах. Когда Виктория после смерти супруга обратилась к Александру с просьбой передать ей в управление долю ее покойного мужа, то Александр заявил, что ее супруг ничего не вкладывал, что все предприятие строилось и развивалось исключительно на его деньгах и труде.

Официантка принесла заказ.

– Так что мы – вершители добра и справедливости, наказывающие алчных подонков и делающие счастливыми обиженных вдов! – высокопарно сказал Умар, улыбающимися глазами смотря на Марину – официантку, бережно, но быстро раскладывающую тарелки с блюдами на стол.

– М-да, Робин Гуд, благородная у тебя профессия, – пошучивая, сказал Тимур.

Официантка удалилась.

– Но ведь теперь этот Александр будет ее подозревать и захочет отомстить, – сказал Али.

– Нет, баба она умная. Во-первых, она ждала три года, не предъявляя Александру ни единой претензии. Во-вторых, она от безысходности сама с нуля начала заниматься бизнесом и за три года сколотила приличное состояние. Так что «Победа» чиста. А у того «Защитника» мало ли за годы успешной деятельности могло быть врагов и конкурентов.

– Ну понятно... А что у тебя? – обратился Али к Тимуру.

– Да, как сказал Умар, ничего особенного. Вдов не осчастливил, заводы не спалил. А так, занял первое место на чемпионате России по боям без правил.

– Погоди, а когда это ты успел?

– И почему нам не сказал?

– Успел на прошлой неделе. Не хотелось отрывать вас от важных дел... Короче, я плохо себя чувствовал, слегка приболел, не был уверен в достойном выступлении. Поэтому никому и не сказал.

– Ну понятно. Что ж, поздравляем! Но мог хотя бы после сказать. Первое место на чемпионате России – весомый повод встретиться и отпраздновать.

– Вот мы встретились и, считай, празднуем, – сказал Тимур.

– А у тебя как? Все еще ныряешь в своих книгах? – обратился Умар к Али.

– Да, в основном на них и трачу свое время.

– Я не понимаю, – сказал Умар, обращаясь к Тимуру и указывая рукой на Али, – вот был же хорошим человеком, а стал как... как женившийся подкаблучник. – Все дружно рассмеялись. – Не, ну серьезно, – продолжал Умар, – как можно так много и долго читать эти книги? Что ты в них такого находишь? Ведь это же всего лишь мысли и фантазии каких-то людей, зачем на них тратить свою жизнь, вместо того чтобы просто прожить ее самому? Пусть с ошибками, пусть не всегда умно и хорошо, с риском, радостью и горечью, но зато сам, свою собственную жизнь, а?

– Я задам тебе встречный вопрос, Умар: а в чем смысл твоего образа жизни? В чем особенность и, если хочешь, радость того, как ты живешь? – спросил Али.

– Если я скажу, что мне нравится то, чем я занимаюсь, то ты тоже можешь сказать, что тебе нравится читать книги. И поэтому я скажу по-другому. Я живу реальной жизнью. Я не сижу в каком-то долбаном офисе за компьютером, выполняя всякие указания противного и ворчливого начальника, в ожидании зарплаты, которой вечно ни на что не хватает, понимаешь? Я общаюсь с разными людьми, я в движении, и, самое главное, я свободен. Да, моя работа сопряжена с риском, но именно это и делает ее привлекательной. Почему, ты думаешь, даже этим офисным белоручкам иногда нравится делать что-то экстремальное? Ну, прыгать с парашютом или карабкаться на какую-то гору? Да потому, что только рискуя потерять что-то, ты начинаешь ценить то, что имеешь. А когда ты ценишь то, что имеешь, ты чувствуешь себя счастливым человеком. В них после риска потерять все появляется радость, что у них есть работа, зарплата и ворчливый начальник. А я так не могу, понимаешь? Я не могу получить разовую дозу адреналина на год и вернуться к сидячему рабочему месту, чтобы потом терпеть прихоти ненавистного руководителя ради одной месячной зарплаты. Вот в этом и заключается особенность моей работы, радости и жизни.

– Ты слишком идеализируешь свой образ жизни, Умар, – сказал Али.

– Идеализирую? Оглянись вокруг, Али, посмотри на этих людей – это же общество потребления, жаждущее получить и приумножить и только на эти цели положившее всю свою жизнь. Смешное и жалкое зрелище. Я просто не хочу, более того – не могу быть одним из них, вот и все.

– Но разве не на то же самое ты тратишь свою жизнь?

– Нет. Я не живу ради вещей, но вещи нужны мне для жизни. Этим я отличаюсь от большинства людей: они наслаждаются не столько самими вещами, сколько тем, что они ими владеют, понимаешь? То есть их радует сам факт наличия у них материальных благ, даже если они ими не пользуются и не собираются пользоваться. Не имея, они желают приобрести, а приобретя – приумножить. А количество, как и страсть к накопительству, не ведают предела. А что касается меня, то я живу каждым кусочком хлеба, что добываю, и лезу за вторым куском лишь тогда, когда первый заканчивается, и пытаюсь добывать эти кусочки так, чтобы совесть меня не очень мучила... А то, знаешь ли, она иногда так достает, что и добытыми кусочками толком не дает насладиться. Я хоть и далек от правильности, но я знаю, что несправедливость мешает душевному покою. Поэтому я, пусть и не из принципов благочестия, а для отменного кайфа души, предпочитаю справедливость. Конечно, не всегда получается, но когда не получается и я плохо себя чувствую, я хотя бы знаю, за что я расплачиваюсь.

– Но ты выбрал этот способ потому, что так легче... для тебя легче, ввиду особенности натуры и прожитой жизни, зарабатывать деньги. Это твой выбор, и я тебя не осуждаю, но не надо думать, что он уникален. Ты мог бы выбрать огромное множество других путей, где не надо терпеть прихоти начальника в застенках какого-нибудь офиса. Умар, я лишь хочу сказать, что деньги не стоят того, чтобы из-за них рисковать здоровьем, свободой и жизнью... Даже если не обращать внимание на этическую сторону, это как минимум глупо.

– А кто из тех великих людей, о которых ты читаешь в своих книгах, стал бы великим, если бы он сторонился риска? – спросил Умар.

– Я не риск критикую. Величие достигается лишь путем труда и риска. Но надо знать, чем рисковать и ради чего. Здоровье, свобода и жизнь в любом случае стоят выше и стоят дороже денег, и поэтому деньги – ценность слишком дешевая, чтобы их на них менять. Для получения материальной выгоды можно рисковать лишь материальным, жертвуя умственно-физическим трудом. Но не более.

– Не знаю, брат, – сказал Умар с какой-то задумчивостью, затем отхлебнул немного кофе и молча стал смотреть в окно. За столом внезапно воцарилась тишина.

Али так же без слов стал, подталкивая ручку указательным пальцем, крутить чашку на маленькой тарелочке. Тимур наконец съел картофельную палочку фри, которую все время макал в соус, пока Умар и Али говорили. Недолгое молчание прервал Умар:

– Правда, теперь я тоже подумываю немного быть типа офисным.

Али и Тимур вопросительно посмотрели на него.

– Телохранителем подумываю поработать, – проговорил он быстро.

– И кого же надумал охранять? – спросил Али.

– Да еврейчика одного. Очень богатого еврейчика – так сказать, олигарха. Один мой знакомый, Аслан... кстати, вы его уже видели, он был со мной, когда мы в прошлый раз вечером в кафе сидели.

– Тот лысый здоровяк с большой бородой? – спросил Тимур.

– Да, он самый. Он предложил мне эту работу. Говорит, что для своей охраны тот ничего не жалеет. Платит прилично. Часто делает хорошие подарки. Одевает в хороших бутиках и угощает в лучших ресторанах – разумеется, когда сам посещает эти места. Да и вообще, еврей знает, на что деньги тратить. Охрана – гарантия жизни, а уж на жизнь они потратят. Того, кто раньше работал у него в охране, тоже Аслан ему порекомендовал. Вот он и обратился к нему повторно – хочет еще раз чеченца взять в телохранители.

– А что стало с тем прошлым? Или он просто решил расширить штат? – спросил Тимур.

– Во время покушения на этого олигарха сыграл в героя – заслонил его собой, в результате чего получил три пули. Жизни его ничто не угрожает, лежит себе в больнице и поправляется. Говорят, спасенный им хорошо его отблагодарил.

– Выходит, он уже «заказанный»? – спросил Али.

– Да, и поэтому я буду получать двойную плату... Собственно, из-за этого я и согласился на эту работу.

– В случае чего, тоже собираешься героя-спасителя играть? – иронично спросил Тимур.

– Я не собираюсь у него долго работать. Это так, в качестве отпуска от основной работы. Да и отпуск тем приятнее, что наконец-то смогу свободно боевой пистолет носить. А то месяц назад попался ментам со стволом. Пришлось трехмесячную заначку им отдать, чтобы отвязались. Хорошо, что хоть пистолет был травматическим. Попадись с боевым, денег не хватило бы откупиться и загремел бы на приличный срок. А вот насчет героя играть... Делать мне, что ли, больше нечего. Я не для того живу, чтобы умереть, защищая какого-то зажавшегося олигарха... А хотя... кто его знает, как я себя поведу. Человек относится к тебе хорошо, платит прилично, подарки там делает. И вот жизнь этого человека в опасности... Да, ты знаешь, что все его к тебе хорошее отношение направлено лишь на то, чтобы ты его от души защищал, когда ему будет грозить опасность. Но когда ему грозит опасность, ты об этом как-то не задумываешься... В такие минуты ты ни о чем и не думаешь. Просто все твои привычки, все знания вдруг превращаются в рефлекс, которые срабатывают мгновенно и бессознательно. Поэтому кто его знает, как я себя поведу. Сейчас могу болтать одно, а на деле, возможно, буду защищать его, как брата родного.

– Ого! Хорошо сказал. Неужели за книги взялся? – решил подтрунить Тимур.

– А че? Только вам, ботаникам, дано хорошо говорить, что ли? – улыбнулся Умар. – Мы, бродяги, не меньше вашего в жизни смыслим, потому что мы ее проживаем по-настоящему.

– Ну все! Я его лишь похвалил, а он вон как зазнался, – улыбался Тимур, повернувшись к Али. – Да еще и нас оскорбил, назвав ботаниками. Я чуть ли не с утра до вечера вкалываю в спортзале, и вот я, оказывается, ботаник.

– Никогда не говори глупому, который сказал хорошую вещь, что он сказал хорошую вещь, – колко заметил Али. – Потому что тогда он и вовсе перестанет замечать свою глупость. Тимур расхохотался.

– Ну вот, заговорили умники, черпающие ум из мертвых книг. Я повторяю: я живу в настоящем мире, и если я что-то понял в этой жизни, то понял по-настоящему. Не книги, не какие-то изнеженные умники в очках мне это сказали, а я сам понял, сам постиг. И такое знание я считаю куда более ценным, чем простые подсказки людей, которые и жизнь-то не видали.

– Умар, – обратился к нему Али, потихоньку возвращая своему лицу серьезность выражения, – есть вещи, которые нужно знать от переживших и понявших что-то, чтобы избавиться себя от многих ошибок и долгого пути поиска. И также, действительно, есть вещи, для понимания которых нужно их на себе испытать. Но, согласись, двое могут пережить одно и то же событие, а понять и сделать выводы по-разному. Но только выводы одного из них могут быть правильными. Как думаешь, почему? Я отвечаю: потому что у него есть хорошая база, обеспеченная теми теоретическими знаниями, что он черпал из книг и уст других людей. Ты спросил, что мне дают книги. Пока я не могу ясно ответить на твой вопрос. Но я могу сказать, что ищу в них ответы на свои вопросы. Да, читая книги, я роюсь в мыслях сотни умнейших людей, доведших свои умственные способности до некоторого совершенства, знакомлюсь с жизнью и словами тысяч величайших личностей, которые вовсе не изнежены жизнью, как ты сказал, а пропущены чрез все невзгоды бытия. Правда, чем больше я читаю, тем яснее понимаю, что эти люди и сами находились в поисках понимания людей и жизни... Но даже их процесс поиска имеет свою ценность. Также есть книги, словно машина времени переносящие меня в прошлые времена и знакомящие с выдающимися историческими личностями, которые добивались успехов в разных областях жизни. Они делятся со мной опытом и знаниями. На страницах этих книг оживает прошлое: войны, победы, трагедии; оживают личности военные, политические, религиозные и научные. Знакомясь с этим прошлым, ты лучше понимаешь настоящее, лучше

понимаешь людей... – Здесь Али поднял глаза и увидел на лицах своих товарищей непонимание того, о чем он сейчас говорил, и заключил свою речь следующими словами: – Впрочем, вам, наверное, этого и не понять, так что оставим.

– Да, лучше оставить, – сказал Умар. – Тем более, – улыбнулся он, – я вижу, что ты и сам не совсем себя понимаешь.

Все дружно засмеялись.

– Может, и так, – с задумчивой улыбкой, согласился Али.

– Есть люди, которые изучают и пишут историю, а есть и те, которые ее делают. Я же предпочитаю принадлежать ко второй категории, – не без самодовольства сказал Умар.

– Ну, – отвечал Али, – те люди, которые действительно делали историю, неплохо разбирались и в той, что была сделана другими до них. Но вот что касается тебя, братишка, то я не думаю, что, отбивая долги, тебе удастся принадлежать к когорте творителей истории.

– Так и я не претендую на место в мировой истории. Когда двое собираются и говорят о тебе в твое отсутствие, то ты уже как бы часть истории, – улыбнулся Умар.

– В таком случае, – не без иронии заметил Али, – с полным убеждением могу заявить, что ты, безусловно, часть... маленькая, малюсенькая... А-а, молекулярно-атомная частица мировой истории.

– Из всего тобою сказанного я обратил внимание лишь на слова «ты – частица – мировой – истории». Спасибо за комплимент.

– Он неисправим, – сказал Тимур.

– Да, наверное, уже и поздно меняться, – ответил Умар. Затем, во время внезапно образовавшейся тишины, сказал: – Ну что ж, ребята, мне пора идти. А у вас какие планы?

– Можешь меня до дома подбросить? – спросил Тимур.

– Не проблема. Ты тоже домой, Али?

– Да.

– Ну, тогда развезу вас по домам и поеду. Марина! – окликнул Умар официантку. – Красавица! Принеси нам счет, пожалуйста.

– Только не вздумай над ней стебаться, – сказал Али.

– Да как ты мог такое подумать, Али, – ответил Умар.

Когда официантка подошла, все трое полезли в карманы, чтобы расплатиться – как правило, каждый за всех.

– Стоять! – крикнул Умар. – Платит тот, кто зарабатывает. А вы: один висит на шее отца, другой – дяди.

В это время Тимур и Али уже успели достать деньги и бросить их на стол. И когда официантка протянула руку, чтобы их взять, Умар, спокойно пересчитывая деньги в своем развернутом кошельке, сказал ей:

– Марина, если ты притронешься к их деньгам... – Тут он вынул несколько бумажек и, пристально посмотрев ей в глаза, серьезно сказал: – То, поверь мне, у тебя будут большие неприятности.

Услышав эти слова, официантка резко отдернула протянутую к столу руку.

– Да шутит он, ни черта он не сделает, – сказал Тимур. – Возьми эти деньги и не слушай его болтовню.

– Марина, разве я похож на шута? – сказал Умар, все еще пристально смотря ей в глаза. – Вот, возьми у меня.

Официантка робко протянула руку, взяла деньги из рук Умара и собиралась уйти, но тут Умар попросил ее минуточку подождать.

– Марина, ты на меня не обижайся. Ты мне очень понравилась. Пусть Бог даст тебе верного и здорового мужа, красивых и умных детей и... и много-много счастья. И еще: сдачу можешь оставить себе.

На лице у девушки появилось что-то вроде улыбки, и, сказав «Спасибо», она удалилась.

– При следующей встрече, – сказал Умар, – она будет испытывать ко мне чувство почтительного страха и благодарного уважения, но никак не чувство безразличия, как к вам. Вас-то она и не вспомнит. Так что учитесь, салаги!

В это время все начали вставать и надевать куртки, висевшие на спинках стульев.

– Али, – сказал Умар, – если этот университет тебя станет сильно доставать, ты только дай знать... Если француз спалил всю Москву, то неужели чеченец не сможет спалить какой-то университет.

– Спасибо, но проблем у меня там никаких нет. И еще: он был корсиканцем.

– Что? – спросил Умар.

– Говорю, что Наполеон был корсиканцем.

– Да какая там разница.

Когда они вышли на улицу, было уже темно, суетливо двигались потоки машин и людей. Обильные хлопья снега падали на землю, задерживаясь на тротуарах и растворяясь на обработанных реагентами дорогах.

– Эх, Москва, Москва, – остановившись посреди тротуара и щурясь от падающих в глаза снежинок, задумчиво протянул Умар. – Люблю и презираю эту столицу. Она похожа на женщину древнейшей профессии, которую можно добиться либо деньгами, либо силой. Если ты это делаешь деньгами, то все довольны, ты хорош, ты чист перед ней, перед законом. Но если ты делаешь то же самое насильно, ты плохой, ты бандит и насильник. Тебя ищут и позорно сажают в тюрьму... И все в этом мире так: есть деньги – ты делаешь законно то, за что другого проклинает общество и преследует государство.

– И все же ты выбрал насильный способ ее добиться, – сказал Али.

– Да, выбрал. Но лишь для того, чтобы заполучить деньги и наслаждаться ею путем законным. Начать бизнес, пусть и небольшой, и жить в свое удовольствие. Помогать матери, жениться, породить детей. Да и путешествовать, в конце концов, – заключил Умар.

– А как же жажда адреналина? – улыбаясь, спросил Али.

– Адреналин? Ну, для этого можно и с парашютом прыгать, – с той же улыбкой ответил Умар.

– А разве этого не мало будет для тебя? – сказал Али, напоминая ему его же слова.

– Ну, если будет мало, – сказал Умар, – то буду каждый день прыгать.

– Давайте поедem уже, – обратился к ним Тимур. – А то я уже сыт этими московскими мечтаниями.

– Да, пожалуй, можно и поехать, – сказал Умар.

Они сели в его старенький «мерседес» и покатали вдоль дороги.

3

Войдя к себе в квартиру, Али снял и бросил на кровать черную кожаную куртку, водолазку и джинсовые брюки. Достал из шкафа футболку и спортивные штаны, надел их, помоллся и грузно свалился в кресло. Он сидел, закрыв глаза и откинув голову назад в угол кресла, и вслушивался во все, что звучало и шумело. Из-за соседней стены доносились приглушенные звуки семейной ссоры – видимо, соседи опять напились и ругаются. Какая-то веселая компания молодых людей проходила далеко внизу под окном: кто-то что-то сказал, и все дружно захохотали. Тихо тикали часы на стене. Но посреди этих отдаленно-приглушенных звуков Али уловил звуки самые прекрасные, звучание которых он, казалось, мог бы слушать бесконечно, – звуки тишины. Затем посреди звуков тишины появились другие звуки, звуки слов из ближайших воспоминаний – услышанное и сказанное за весь прошедший день: кто что сказал, как он на это отвечал; кто как сказал, как он это воспринял и так далее.

И вдруг знакомый голос, говоривший еще утром, когда он находился в полусонном состоянии на университетской паре, ироничным тоном вполне реально произнес: «Поздравляю! Весь день пущен коту под хвост!.. Кроме той встречи в кафе...» Али испуганно вскочил с места, подбежал к выключателю и врубил свет. Оглядываясь вокруг себя, он беспрестанно читал молитвы против дьяволов и джиннов, которые знал наизусть. В комнате воцарилась тишина. Чуть успокоившись, он пошел в ванную, ополоснул лицо холодной водой, вернулся обратно и сел на свой стул возле стола. Сердце его постепенно возвращалось к обычному ритму биения. «Джинн здесь поселился, что ли? Или это был всего лишь сон?» – думал он про себя. Но как только он завершил эту мысль, голос спокойно сказал: «Нет, не сон, не дьявол и не джинн, я твой... Да постой же, куда это ты?» В этот момент Али босиком выбежал из квартиры. «Я твой РАЗУМ, идиот!» – крикнул вдогонку Голос выбегающему Али.

Пробежав мимо лифта, Али как бешеный сбегал вниз по лестнице. Выйдя во двор, он повернул направо и устремился к главной дороге. Там, он знал, напротив супермаркета всегда стоят такси. Пока он бежал, Голос продолжал в нем говорить: «Слушай, ты все равно от меня не убежишь. Вернись к себе на квартиру, а то простудишься еще». Но Али ничего не отвечал. Не останавливаясь, он пригнулся на ходу и, зачерпнув рукой снег, стал им протирать себе лицо, надеясь так еще лучше прийти в себя и избавиться от этого Голоса. «Ладно, – сказал РАЗУМ, – скажу по-другому. Сейчас ты бежишь к тому супермаркету. Напротив него всегда стоят такси. Ты собираешься сесть в одну из них и поехать в ближайший отель. Ты только что об этом подумал, потому что, если поедешь к дяде или знакомым, то не сможешь объяснить им эту ситуацию – они просто посмеются над тобой. Но есть одна проблема, о которой ты не подумал: ты забыл взять деньги и свою банковскую карточку. А на честном слове тебе ни одна гостиница не предоставит номер... Да и таксисты не довезут. Так что этот план пропадает. Лучше постой и послушай меня».

Али остановился. Довод Голоса был весомым. Он уже начал чувствовать холод и как у него онемели ноги. Почти задыхаясь, он спросил:

– Так ты не дьявол?

– Нет.

– И это не глюки?

– Нет.

– Но тогда кто же ты? – Али наклонился, опершись ладонями в колени, и, сильно дыша, втягивал большие порции морозного воздуха через покрасневшие ноздри и выталкивал его через рот белым паром.

– Я твой РАЗУМ.

– Разум? – спросил Али, задыхаясь. – Мой разум, значит... И это не глюки и не бес... – И тут он выпрямился и расхохотался: – С ума сойти!

Он положил руки себе на бока, глубоко вздохнул и... рванул в другую сторону.

– Сейчас пройдет, – говорил он себе, пробегая между домами. Пару минут спустя, задыхаясь, он остановился снова и спросил: – Ты здесь? – но в ответ прозвучала тишина. «Вот и все, вот и прошло», – подумал он и стал возвращаться к себе на квартиру. Ног он уже не чувствовал. Но как только Али подошел к своему подъезду, Голос произнес: «Если ты меня не выслушаешь, то так и будешь бегать всю ночь, пока не замерзнешь до смерти».

Али на мгновение дернулся было побежать, но потом вдруг остановился и сказал:

– Ладно, пусть будет так... Говори... Кто ты? Что за РАЗУМ? Почему я тебя слышу, но не вижу?

– Я все объясню в квартире. А сейчас зайди поскорее, а то замерзнешь.

– Хм! Радует, что хотя бы заботишься о моем состоянии.

Поднимаясь в лифте, Али спросил:

– Эй, ты еще здесь?

– Конечно здесь, я всегда с тобой, – спокойно сказал невидимый голос.

– Что за черт...

– Не черт, а твой РАЗУМ.

– Все равно какая-то чертовщина.

Али зашел к себе в квартиру, закрыл дверь и сел на то самое кресло, с которого он вскочил, услышав голос.

– Ну, я слушаю тебя, мой РАЗУМ. Говори!

– Что именно ты хочешь узнать?

– Я тебе уже говорил, что я хочу узнать, и если ты мой РАЗУМ, то должен знать, чего мне надобно знать. Ты же читаешь мои мысли.

– Я уже говорил, что я твой РАЗУМ. И ты можешь меня не только слышать, но и видеть.

– Как это – видеть? Ты что, можешь и материализоваться?

– Почти.

– Что значит «почти»?

В это же мгновение перед Али появился полупрозрачный силуэт молодого мужчины среднего роста, примерно одного возраста с Али, который сказал:

– Вот это и значит «почти».

Али снова, в ошеломленном бешенстве, вскочил с кресла, но, однако, убежать не стал.

– Да ты же джинн! – воскликнул он с изумлением.

– Нет, Али. Я твой чистый РАЗУМ. Понимаю, тебе сложно это принять, но это так. Я твоё порождение, то, что ты в себе развивал со дня своего рождения. Ни одного мига ты не прожил без меня, я – это часть тебя. И поэтому ты слишком больших объяснений от меня не жди. Но то, что ты можешь нас видеть...

– погоди, – прервал его Али, – ты сказал: «Нас», кого ты еще имел в виду?

РАЗУМ, проигнорировав его вопрос, продолжал:

– ...то, что ты можешь нас видеть и слышать, – в этом заключается твоя особая привилегия. Скажем так, исключительное право. Ты слишком много времени нам уделял, ты довел нас до определенного состояния совершенства, вот нам и дано право в таком виде на время помогать и сопровождать тебя по жизни. Всего сейчас не объяснишь, да ты и не поймешь все сразу. Понимание придет лишь со временем. Пока могу сказать лишь то, что мы тебе не навредим...

– Что за «мы», черт возьми?! – взволнованно крикнул Али.

– Он слишком нетерпелив, – послышался другой голос, и рядом с РАЗУМОМ появился еще один полупрозрачный силуэт молодого человека.

– Ты-то еще кто?! – судорожно выкрикнул Али, забегая за кресло.

– Я МОРАЛЬ, твоя МОРАЛЬ.

– Да будь черт проклят! Что за чертовщина здесь творится! Какая, к черту, еще МОРАЛЬ?!

– Простая МОРАЛЬ, которую ты в себе взрастил и воспитал.

– Ну ладно, так и быть, – сказал Али. – Не говорите ничего, дайте оценить ситуацию. – Он сел, закрыл лицо ладонями и стал анализировать происходящее. Он думал, не выпил ли он случайно какую-то дрянь, не было ли в его ужине в кафе с друзьями чего-нибудь подмешано в еду и питье... Наркотик или еще что-нибудь. Он никогда не принимал психотропных веществ, но знал из рассказов и фильмов, что после их принятия бывают галлюцинации. Но потом он подумал, что если бы что-либо и было кем-то зачем-то примешано к их еде, то действие началось бы ранее. Да и не мог бы он сейчас так сидеть и анализировать происходящее – его разум не был бы к этому пригоден. «И как же мне холодно...» Он только сейчас заметил, что промерз и судорожно дрожит от холода, ввевшегося в его тело за то время, что он выбежал из квартиры. Но потом Али вдруг обратил внимание на воцарившуюся в комнате тишину. Подумав: «Прошло», он убрал руки с лица и открыл глаза.

– Черт! – крикнул он дрожащим от холода, удивления и страха голосом, увидев РАЗУМ и МОРАЛЬ молча стоящими перед собой.

– Лучше спрашивай, что хочешь, – сказал РАЗУМ. – А то, знаешь ли, одними думами о том, кто мы, ты ничего не поймешь. И достань плед из шкафа и завернись в него.

Али как ненормальный бросился к шкафу, взял плед, укутался в него и сел обратно в кресло.

– Хорошо, – сказал он, пытаясь успокоиться. – Ты... РАЗУМ, о какой-то помощи говорил... Что вы пришли, чтобы мне в чем-то помочь, хоть я и не нуждаюсь ни в какой помощи. Так вот, скажи мне, чем лично ты можешь мне помочь? И вообще, если ты мой РАЗУМ, то с помощью какого разума я веду с тобой общение? Ведь если ты, мой разум, сидишь предо мной, то я, по логике, должен быть неразумным существом, разве не так?

– Каким разумом ты мыслишь, если я, твой РАЗУМ, стою перед тобой? Очень просто: я лишь проекция твоего разума, его материализовавшееся отражение. А что касается того, чем я могу тебе помочь, отвечаю: тем, что ты слышишь меня в чистом виде. Видишь ли, я не обременен ни страстями, ни сомнениями, ни страхами, ни чувствами, и поэтому мой голос звучит ясно и чисто. Но разве так я звучал, когда находился в тебе ранее? Все другие голоса и чувства, звучавшие в тебе, заглушали мои слова, и ты порою и вовсе меня не слышал – или слышал, но под воздействием других субстанций игнорировал.

– Я всегда прислушиваюсь к голосу своего разума, если нахожу его доводы убедительными, – конвульсивно стуча зубами, с трудом выдал Али.

– Неужели? – иронично заметил РАЗУМ. – А как же та девушка из твоей группы, на пустое изучение которой ты меня напрягаешь уже третий день?

– Так это был ты!.. Я так и знал, что это было наяву... Ну что ж, я просто пытался понять человека! Это называется иметь пылливый ум, быть любознательным. И только благодаря этому своему качеству я тебя и довел, как ты сказал, до некоторого совершенства. – Али говорил заикаясь и дрожа.

– Зачем познавать то, что лишено смысла и пользы? В мире есть много вещей, более достойных того, чтобы их познавать и изучать. А что касается этой девушки, то она тебе просто понравилась внешне, и ты тупо решил меня использовать в угоду своим страстям. Изучить девушку, чтобы, так сказать, умнее к ней подкатить и блеснуть своими познаниями в области ее природы.

– РАЗУМ, ты слишком жесток, – раздался еще один голос, и через мгновение появился третий мужской полупрозрачный силуэт. – Добрый вечер, Али. Позволь представиться, я – твои СТРАСТИ...

– Скорее ПОХОТЬ и ВОЖДЕЛЕНИЕ, – недовольно вставила МОРАЛЬ.

– Да, НИЗМЕННЫЕ ЖЕЛАНИЯ, – подхватил РАЗУМ.

– Ты не обращай особого внимания на их болтовню, – продолжили СТРАСТИ. – РАЗУМ, говоря о девушке, говорит о вещах, которые ему непонятны. Для удобства можешь называть меня в единственном числе – СТРАСТЬ.

– Я все понимаю, СТРАСТЬ, только вот я от тебя не завишу, на то я и РАЗУМ. Слушаясь тебя, люди портятся, а следуя моим советам, лучше живут.

– Но без меня, – сказала СТРАСТЬ, – их жизнь была бы очень скучной.

– СТРАСТЬ, – вмешалась МОРАЛЬ, – а не преувеличиваешь ли ты свою значимость в жизни людей? Твое призвание в том, чтобы посредством своих искушений быть испытанием для них.

– В таком случае, МОРАЛЬ, ты такое же испытание, только с другой стороны.

– Пусть и так. Только у меня есть благородные запреты, а у тебя – скверная вседозволенность. Следовать мне немножко сложно, но зато того, кто меня слушается, не постигают муки совести, в отличие от тебя. Ибо внимать тебе им легко, только вот после этого у них очень часто появляется раскаяние. А что касается тебя, – обратилась МОРАЛЬ к РАЗУМУ, – то и ты немного перегнул, сказав, что благодаря твоим наставлениям люди живут счастливо, ибо их счастье зависит от того, насколько их слова и поступки соответствуют тому, что им говорю я. Счастливо жить – значит жить правильно, а не умно.

– По мне, так жить разумно – это и значит жить правильно, – сказал РАЗУМ.

– Эй вы, Святой и Умник, – СТРАСТЬ обратилась к МОРАЛИ и РАЗУМУ, – видимо, хозяину нашему не до нас.

Пока полупрозрачные господа спорили, Али, приятно согретый теплым пледом после сильного охлаждения и морально успокоившийся после сильного психического потрясения, как-то расслабился и незаметно уснул. МОРАЛЬ, СТРАСТЬ И РАЗУМ подошли поближе к нему и стали внимательно на него смотреть.

– Бедный Али... Несладко ему пришлось по жизни... да и сейчас не просто, – сказала ЧУВСТВО, не успевшее представиться.

– Ум его слишком растерян, – заметил РАЗУМ.

– И не только ум, – подхватила МОРАЛЬ.

– Если он не переключится на кровать, то завтра у него шея будет болеть. Может, попросим его лечь на кровать? – обратилось к другим сущностям ЧУВСТВО.

– Проснется ли? – спросил РАЗУМ.

– Надо попробовать, – предложила МОРАЛЬ.

И все стали, как мантру, повторять: «Али, поднимайся и ложись на кровать» – не слишком громко и не слишком тихо.

Али встрепенулся, резко вздохнул, фыркнул, что-то пробормотал, а голоса беспрестанно повторяли: «Али, вставай и ложись на кровать». И Али под конец, не открывая глаза и что-то по-прежнему бормоча во сне, встал, словно находился под каким-то гипнозом, неуклюже сделал несколько шагов в сторону кровати, повалился на нее и задышал безмятежным дыханием спокойного сна.

– Жаль, не могу ему подушку поправить, – сказала ЧУВСТВО, встав возле его кровати.

– Ничего! Я внесу яркие краски в его жизнь! – гордо и самодовольно заявила СТРАСТЬ.

На что РАЗУМ и МОРАЛЬ, находящиеся тут же, не отрывая сочувствующего взгляда от спящего Али, в один голос произнесли: «Заткнись!»

4

Слишком быстро, без снов, без тяжелого пробуждения от тревожного звона будильника, который он не успел поставить, тепло и приятно прошла ночь для Али. Густые лучи зимнего солнца, значительно поднявшегося над горизонтом, разливали светло-голубые краски по безоблачно чистому небосводу и проливались в его комнату, ярко освещая все ее уголки. За окном слышалась бурлящая жизнь города: голоса людей, сигналы, звуки моторов и визг колес автомобилей. Насытившись сном, Али медленно, шурясь, приподнял веки сначала одного глаза, а потом и второго. И к нему стали приходить мысли, одна за другой, в следующей последовательности: «Я проспал молитву... Какой же сегодня день?.. Ах да, четверг... значит, мне надо в университет... А не опоздал ли я?.. Сейчас приподнимусь и посмотрю на часы (для этого ему нужно было повернуть голову – часы висели на стене на другой стороне) ... Что это вчера было?.. Но вчера же что-то было?.. Ах да, мне приснились какие-то существа полупрозрачные... Ну и сон!.. А почему на мне футболка и брюки?.. Наверное, был усталый и сразу заснул... А зачем я этот плед достал?.. Надо повернуться и на часы взглянуть... Сейчас повернусь...» Он снова закрыл глаза и мысленно сказал еще раз: «Сейчас повернусь».

– Удивляюсь способности людей так бездарно и долго использовать свой разум и время в тех случаях, когда для достижения желаемого достаточно приложить немного усилий, – из-за спины Али донесся знакомый голос. Это был РАЗУМ.

– Нет, – сказал Али, открыв глаза и не шевелясь с места, – нет! Это мне только послышалось! Это не ты, РАЗУМ! Ты и все остальные были всего лишь в моем сне! И я не сумасшедший! Все было только во сне!

– Ну вот, опять! – в спокойном возмущении произнес РАЗУМ. – Опять ты напрасно тратишь время и силы мысли на то, чтобы в чем-то себя убедить, вместо того, чтобы просто повернуться и найти ответы на все свои вопросы, что ты себе задал в течение последних пары минут: узнать, который час, не опоздал ли ты в университет и что я – настоящий.

– Это губительная лень им овладевает, – произнес еще один голос.

– Ну вот и МОРАЛЬ приперлась, – уныло сказал Али. А после спросил: – А что эта стерва СТРАСТЬ молчит, когда я в ней так нуждаюсь?

– У нее немножко другие функции, – сказал РАЗУМ. – Но сейчас не время для большого диалога. Ты опаздываешь на занятия. Так что вставай и вперед!

– Хорошо! Только вы исчезните, ладно? Ну, залезайте обратно ко мне или куда это вы там деваетесь. Не хочу, чтобы день начался с того, чтобы первым, что я в нем увижу, были мои собственные... Ну, вы меня поняли.

– Как скажешь, хозяин, – услышал он в ответ.

Али быстро повернулся, но там уже никого не было. Он поднял свой взгляд к висящим на стене часам: восемь тридцать. До начала занятий оставалось полчаса. Резко вскочив с постели, он побежал в ванную. Наскоро умывшись, сделав омовение и почистив зубы, Али вышел, помолился, оделся, быстро перекусил печеньем и апельсиновым соком и, на ходу надевая обувь, выскочил за дверь.

На пару Али явился с опозданием на пятнадцать минут. Когда он зашел в свою аудиторию, преподаватель, Светлана Александровна, увлеченно рассказывавшая об особенностях экономического развития Китая и Японии, приостановилась, недовольно посмотрела на него поверх очков, слабо ответила на его приветствие и, когда Али сел за свою парту, продолжила читать лекцию.

Пока Али доставал из своей сумки тетрадь и ручку, он успел несколько раз бросить короткие взгляды в сторону той новенькой, Ани. «Ну вот, опять началось», – послышался ему откуда-то изнутри голос РАЗУМА. «Ты, – продолжил голос, – лучше акцентируй свое вни-

мание на лекции. В этом больше пользы для тебя, нежели в этой особе... Видишь, как Виталий внимательно слушает и усердно записывает, боясь пропустить и одно слово». – «Ой, да брось, – заголосила СТРАСТЬ. – Тоже мне, нашел кого ему в пример ставить. Этот замкнутый идиот погубит свою жизнь, проведя ее в скучно-серых днях и ночах, в компании ручки, книг и тетрадей». – «Не факт, – отвечал РАЗУМ. – Самая большая умственная работа, как правило, происходит в головах тихих и, на первый взгляд, неприметных людей. Их грандиозный, незаурядный ум, сокрытый за ширмой тривиально-чуждых повадок, спокойно работает и творит в своей самой природой хорошо замаскированной мастерской... Если, конечно, они и в самом деле не идиоты».

Пока две его сущности спорили, Али продолжал писать, еле сдерживая себя от того, чтобы не наорать на них или не послать их к чертям собачьим. Но его самообладанию не суждено было долго длиться.

Как только РАЗУМ закончил говорить, СТРАСТЬ снова взяла слово. Но на этот раз она не просто голосила изнутри, как ранее, а материализовалась и излагала свои мысли, прохаживаясь по рядам аудитории.

– О РАЗУМ, – говорила она, – и все же, где и в какой период жизни ему может понадобиться специфика экономического развития Китая и Японии? Ну а вот что касается этой прелестной девушки, – СТРАСТЬ стала подходить к новенькой, – то она ему может быть очень и очень... – Ехидно улыбаясь, СТРАСТЬ смотрела на Али и протягивала руку к голове новенькой. Вот тут Али и не сдержался. «Прекрати!» – закричал он внезапно, разрывая в тишине спокойно звучащий голос лектора. Через мгновение он поймал на себе огромное количество одинаково удивленных взглядов, в том числе взгляды новенькой и Светланы Александровны.

Посреди напряженного молчания с притворной виноватостью прозвучал голос СТРАСТИ:

– Ой, кажется, я тебя подставила, хозяин.

– Да ты всегда это делаешь, – произнес тут же голос невидимой МОРАЛИ.

Но это услышал только сам Али.

Сказав, что ему что-то померещилось, Али извинился, сослался на плохое самочувствие, взял свои вещи и вышел. Быстро идя по коридору к выходу, он начал сердито цедить сквозь зубы: «Что за идиотов... Что за идиотов...» – и только оказавшись на улице, громко, давая волю своим гневным эмоциям, dokonчил мысль: «Что за идиотов я в себе взрастил!» А спустя некоторое время его будто осенило, и он еще громче закричал: «И вообще вы не мои! Нет у меня такой СТРАСТИ, нет такого РАЗУМА и МОРАЛИ! Вы путаете меня с кем-то! Идите к своему настоящему обладателю, а меня оставьте в покое!»

Али вышел к большому проспекту. Обильные потоки машин разезжали по асфальту, а на тротуаре, по которому он зашагал, суетливо, в оба направления шли толпы разношерстных людей.

– Али, – обратился к нему РАЗУМ, появившись справа от него, через полупрозрачную материю которого свободно проходили люди, – взгляни на этих людей... Да не упрямясь ты! Подними глаза и посмотри на них!

Али поднял сердитый взгляд с земли перед собой, куда так настойчиво смотрел, и взглянул на людей вокруг себя.

– Что ты видишь? – спросил РАЗУМ.

– А что я должен видеть? Я вижу разных людей, которые идут по своим делам!

– И больше ничего? – Спросил РАЗУМ.

– Нет, и больше ничего!

– И это говорит человек, который любит наблюдать за людьми и изучать их.

– Я не брал в таких масштабах.

– Вот и зря. Чтобы что-то понять, надо побывать внутри объекта познания, хотя бы мысленно... Окупись в эту толпу.

– Прислушайся к их словам, – сказал новый элемент его личности, появившись в таком же полупрозрачном виде слева от него. – Кстати, я ПРАГМАТИК, практическая сторона твоего разума и страсти.

Али резко повернулся к ПРАГМАТИКУ, затем, ничего не говоря, замедлил свой ход и посмотрел надвигающихся людей. Он видел мужчин и женщин, различных в возрасте, росте, походке и мимике лиц, одетых в разные одежды и по-разному выглядящих; видел, как они смотрят, улавливал напряженность взглядов, жестикуюляции рук. По мере того как он, отвлекаясь от цельного наблюдения толпы, фиксировал внимание взгляда, мысли и слуха на конкретных людях, вся толпа, казавшаяся единой движущейся массой, вдруг стала расщепляться на частицы людей. И вот из общего гудения народа начали различаться конкретные голоса отдельных людей, которые затем в последний момент, когда они подходили близко, равнялись с Али и проходили дальше, превращались в отрывки понятных слов с прерванной нитью мысли.

Первыми его внимание привлекли две девушки, идущие ему навстречу. Одна была в шубе, другая – в пальто. Обе в кожаных сапогах на высоких каблуках. Та, что в пальто, слегка склонив голову к подруге, в забавной улыбке изображая неподдельный интерес, внимательно слушала ее рассказ. Другая же, несомненно лучше выглядевшая своей спутницы, говорила напряженно, но весело. Когда они поравнялись с Али, он услышал лишь «...На что я ему отвечаю...», и слова опять растворились в гуще других голосов. Затем он обратил внимание на мужчину, под расстегнутой дубленкой которого виднелись жилет, белая рубашка и галстук. В одной руке он держал дипломат, а в другой – телефон, по которому что-то спокойно говорил, приложив его к уху. Но до того как мужчина этот приблизился, из-за спины Али выскочил какой-то парень, также общаясь по телефону, но только в наушниках. И слух Али резко поймал такие его слова: «...Я рад, дорогая, что тебе понравилось...» – и его слова, уносимые быстрой походкой своего хозяина, внезапно исчезли. В этот момент тот мужчина в дубленке поравнялся с Али, после чего его слух уловил слова, так спокойно произносимые этим помпезным господином: «...Это, несомненно, выгодное дело...» Затем прошли два школьника, которые говорили о новой версии какой-то компьютерной игры. За ними последовали две старушки, одна из которых делилась знаниями какого-то народного метода лечения. Потом были те, которые рассказывали о машинах, музыке, фильмах, вечеринках, отдыхе. Потом снова девушки, говорящие о парнях или с парнями, и парни, говорящие с девушками или о девушках. Затем снова работа, деньги, бизнес. Потом клевета, какие-то обидные слова, ругань. В какой-то момент все смешалось: разные эмоции, мимики, шепоты, слова – десятки и десятки различных лиц, взглядов и тем разговоров.

– Ну так что же ты наблюдаешь, Али? – вдруг спросил ПРАГМАТИК, прерывая этот конгломерат разных голосов, интересов и мимик. – О чем они говорят? Что их интересует? Что их объединяет? Разве не удовольствие и выгода, а? Деньги, противоположный пол и развлечения! Говорят разные люди, разных социальных слоев. Но это не плюрализм интересов, нет! Это различные пути, ведущие к одному и тому же результату: удовольствие и выгода. Ты ведь любишь изучать людей. Так вот в этом и состоит вся их суть, основа и цель в этом мире. Хочешь добиться высокого положения среди них – имей то, что они ценят, и тогда они будут тебя на руках носить. Люди разные, но ценности в основе у всех одни и те же. Особенности и свойства людей не подчинены времени и веками остаются неизменными. И сегодня среди людей ты обнаружишь те же лабрюйеровские порочные «Характеры»: тщеславие, глупость, наивность, страсти и властолюбие. Будь ты на проспектах Нью-Йорка, Парижа, Каира, Токио или любого другого большого или маленького города, ты услышишь о тех же интересах, озвучиваемых на разных языках и эмоциях. Не трать понапрасну свою энергию на поиски

и попытки познать ядро человеческой природы, ибо внутри каждого человека за внешней оболочкой кажущейся сложности и уникальности скрываются банальные желания и устремления.

– Не слушай его, Али. – Справа от него, на месте исчезнувшего РАЗУМА, появилась МОРАЛЬ. – Всегда, во все времена и среди всех обществ высоко ценились и будут цениться качества из трех пунктов. Пункт первый – честность, скромность, щедрость. Пункт второй – благородная отвага, терпеливость, честь. Пункт третий – мудрость, ум и знания. Без этих составляющих люди потеряют суть своего существования. И поэтому...

– Да брось, МОРАЛЬ, – прервал его ПРАГМАТИК. – Ты говоришь о тех качествах, о которых приятно говорить, писать книги и снимать фильмы. Эти качества среди людей – как хорошая и добрая сказка, читаемая на ночь ребенку: это успокаивает и вселяет в человека убеждающую уверенность в том, что он хороший. Но в жизни людям этого не надо. Это нужно лишь для того, чтобы спокойно уснуть, понимаешь? А наяву люди хотят то, что доставляет им пользу, удовольствие...

– Люди редкой породы и в благородном проявлении находят предмет душевного удовольствия и истинной радости, – прервала его МОРАЛЬ. – Разнятся дарующие радость и доставляющие удовольствие поступки. Если вор получает радость от удачной кражи, то благородный – от благого поступка. Все зависит от внутренней предрасположенности человека.

– Ты говоришь о том малом, мизерном и очень редком типе людей, которые находят утешение в том, чтобы делать добро. Но, заметь, их радость сокрыта не в самом факте делания добра, а в том, чтобы ощущать себя выше других благодаря этому добру. Были времена, когда благородные качества, о которых ты, МОРАЛЬ, говоришь, приносили людям власть, почет или богатство. И поэтому в те времена благородных было побольше. Но теперь это устарело. Твое «благородство» стало похоже на состарившуюся супермодель: ее красота увяла, и она уже никому не интересна. Есть новые модели, новые красотки, которые нравятся публике, вызывают страсть, желание, потому и востребованные... и у них уже другие имена. Все относительно и временно, и даже добродетель. Вот, к примеру, эта девушка. – Тут ПРАГМАТИК приостановился и указал на симпатичную девушку, сидевшую за витриной в кафе, которая, улыбаясь и не спеша поедая сэндвич, вела милую беседу с парнем напротив нее. Парень этот был довольно невзрачного вида и как-то небрежно одет. Рядом с ними на полу стояли студенческие рюкзаки, прислоненные к ножкам их стульев. – Что мы здесь видим? – задался вопросом ПРАГМАТИК. – Мы видим довольно простую девчонку, которая, возможно, приветливая и милая со всеми, кто с ней заговорит. Свернув ее беглым аналитическим взглядом, мы можем сделать о ней следующее заключение. Она является студенткой, учится так себе. Ее материальное положение оставляет желать лучшего. Родители ее имеют в обществе низкий социальный статус. Единственное, что у нее есть, это ее красивое личико в сочетании с хорошими формами тела и некоторое прилежание в учебе... Да, она знает себе цену. Но эти данные пока не позволяют ей слишком высоко заноситься, но, однако же, можно предположить, одаряют мечтой стать известной, прославиться и разбогатеть. И вот, допустим, в один прекрасный день ее мечта осуществляется: где-то случайно ее замечает модельный агент. И с этого момента ее карьера летит в гору. Она позирует перед объективами фотокамер самых известных фотографов для самых модных глянцевого журналов мира. Участвует в показах высокой моды в столицах самых развитых стран. Заключает хорошие контракты. К ней кучами поступают предложения от разных агентств, а график ее буквально расписан по минутам. И вот мой вопрос: после всего этого она будет такой же простой и доступной в общении для той категории людей, с которыми она была таковой раньше, то есть сейчас? Она будет так мило сидеть и разговаривать с этим жалким хлюпиком, так безмятежно и радостно поедая сэндвич? – ПРАГМАТИК, Али и МОРАЛЬ двинулись дальше. – Лично мне это представляется крайне маловероятным, – ответил на свой же вопрос ПРАГМАТИК. – Так куда же девается ее мораль? Она улетучивается под воздействием определенных обстоятельств. Итак, мы можем заключить, что мораль –

вещь относительная и что она, то есть мораль, под воздействием некоторых условий очень легко переходит в аморальность. И поэтому я ставлю под сомнение не столько силу морали, сколько то, что она, в общем понимании людей, вообще имеет место. Потому что даже в сущности великого проявления морали мы видим корысть!

– О, что за ницшеанский нигилизм! – громко воскликнула МОРАЛЬ. – В своей основе относительность имеет не сама мораль, а ее степень и устойчивость внутри каждого человека.

– Но что тогда определяет эту степень морали внутри каждого человека? – резко заговорил ПРАГМАТИК. – Что? Воспитание, религия, гены или это общество, что мы видим вокруг себя? Семейное воспитание – это закладка некоторых привычек в ранний период жизни. Но потом общество может поменять эти привычки. Религия? Это из области веры. А поскольку веруют в разное, да и то не все, то это мы не можем применить к всеобщему понятию морали. Гены? Весьма сомнительный аргумент. Общество? Да! И мы уже видели, чего хочет общество! А отдельно взятый человек хочет того же, чего и все остальные. Он стремится к тому, к чему и все! Радует и гордится тем, чем и вся толпа! Удовольствие и удобства, доставляемые богатством, славой и властью, – вот в чем заключается свобода и цель жизни всех людей!.

– Свобода?! – воскликнула МОРАЛЬ. – О нет, здесь ты ошибаешься. Твои ценности – это уже неволя. Свобода – это когда истина и справедливость ничем не стеснены: ни прихотью, ни страстями. Неволя же, напротив, есть немощность перед лицом прихотливых страстей, что облекается именем свободы. Таким образом, свободе истины и морали противопоставляется – во имя свободы людских прихотей – закон, призванный защищать аморальность неволи, облаченный в мантию защитника свободы. А поскольку большинство людей не желают ту свободу, что ограничивает возможности их телесных наслаждений и алчных устремлений, то они и выбирают вторую интерпретацию «свободы». И слова, сказанные в свое время Тацитом: «Подобно тому, как когда-то мы страдали от преступлений, так страдаем теперь от законов», вполне могли бы произнести сегодня МОРАЛИ людей, ежели бы они могли говорить и быть услышанными. Та девушка в кафе, – продолжала МОРАЛЬ, – о которой ты упомянул выше, изначально, возможно, не имела внутренней морали. Просто, как ты верно заметил, у нее не было достаточных оснований, чтобы выявить свою истинную сущность. Мораль есть врожденная и есть приобретенная, и она, как я уже сказал, разная у разных людей. Люди, как и ты, ПРАГМАТИК, судят о морали друг друга лишь по внешним проявлениям. А ведь мораль – это состояние внутреннее, духовное. Человек, который поставил себе целью любой ценой добиться материального благополучия для дальнейшего ведения эгоистично-гедонистического образа жизни, это уже не моральный человек, даже если он беден и прост в отношениях с окружающими его людьми. Дай ему возможность – и он покажет свое истинное лицо. И поэтому о таком мы не можем сказать, что когда-то он был моральным человеком, а потом, разбогатев или прославившись, морально испортился. Он бывал «моральным» из-за отсутствия внешних условий проявить свою истинную сущность. Или же мораль его была настолько слабой, что не устояла под напором искушений ввиду наличия возможности эти искушения удовлетворить. И глупо такое проявление слабости величать свободой. То есть возможность потакать своим желаниям – это не свобода, и здесь наше с тобой понимание «свободы» человека разнится. Я, в отличие от тебя, не могу считать свободным того, поведение и ценности которого зависят от взглядов других людей. Ты предлагаешь заполучить свободу посредством приобретения того, чего хотят большинство людей, но разве это не признак слабости и зависимости? Мне смешны те, которые, находясь, по сути, в этом рабском плену, кричат о своем индивидуализме. Нет никакого индивидуализма, есть лишь эгоизм, выдаваемый за самодостаточную самобытность. И именно из-за страсти и тщеславно-прагматического проявления конформизма человечество и вырождается. Таким образом, индивидуализм, проявленный в обществе индивидуалистов, это тот же конформизм. Самые отчаянные поборники свободы нравов и индивидуализма как раз и впадают в рабство выгоде, похвале и низменным

желаниям. Если бы вдруг все люди и средства массовой информации стали бы восхищаться и материально поощрять тех, кто ходит голым, мы и сейчас, при этом морозе, видели бы нагишом бегущих людей. «Красота требует жертв». Это было бы признаком свободы или внутреннего рабства? Вот, к примеру, этот молодой человек. – МОРАЛЬ указала на парня, сидящего за рулем «порше», который стоял в пробке. Окно его двери было слегка приоткрыто. В салоне громко играла музыка, в такт которой молодой человек, шевеля губами (видимо, подпевая), покачивал головой. – Что ты здесь видишь, ПРАГМАТИК? – спросила МОРАЛЬ.

– Я вижу самодовольного человека, благодаря дорогой машине, за рулем которой он сидит, осознающего свое превосходство над окружающими, которые хотели бы быть на его месте. Его положение возвышает его над остальными, потому и делает его свободным.

– Опять ошибаешься! Он осознает свое превосходство не потому, что сидит за рулем этой машины, а потому, как ты опять же правильно заметил, что осознает желание других иметь такую же машину. Но таким ли он был бы самодовольным, если бы эту машину видел только он сам? То есть, допустим, он может ее видеть, потрогать и гонять на ней по шоссе. Но для всех остальных эта машина невидима, или же перед их глазами она предстает в виде какого-то драндулета. Так будет ли он, выезжая на этом автомобиле, кичиться тем, что у него есть такая крутая тачка? Нет, не будет. Потому что люди не видят признака его превосходства, а значит, не восхищаются им и не завидуют ему. А если не восхищаются и не завидуют, то и отношения своего к нему не меняют. Это позволит им воспринимать его простым человеком, из-за чего он и будет соответствовать образу «простого человека». Как вон тот, например. – МОРАЛЬ указала на мужчину, скромно сидящего за рулем стареньких «жигулей» с покрашенными деталями, пороги и изгибы крыльев которого были изъедены ржавчиной. – Так что ценности, которые ты проповедуешь, говоря, что они дарят человеку свободу от других людей, на самом деле являются следствием зависимости от этих самых людей. Истинная свобода – это следовать духовному совершенству, невзирая на идеалы окружающих.

– Допустим, ты прав. Но в чем же смысл этого, как ты говоришь, «духовного совершенства»? В чем смысл ограничивать себя от радостей мира?

– Во-первых, – отвечает МОРАЛЬ, – путь духовного совершенства не означает отвернуться от земных радостей. Наоборот, это обогащение внутреннего мира, познание сути и смысла жизни и, как следствие, приобретение истинной свободы. В таком случае человек возвышается над низменными страстями, прихотями души и тела, порочными желаниями и, самое главное, над мнением толпы, то есть приобретает подлинную наружно-внутреннюю свободу. И эта скромная возвышенность дарит ему истинное счастье, не позволяя перейти в крайность самовосхваления и чванливости. Это состояние достигается посредством следования заветам Бога, что не ограничивает его сознание и деятельность пределами земного бытия. В мире это дает безмятежность и внутреннюю радость, а в загробной жизни – бесконечное блаженство. Ты как-то скользко обошел связь морали и религии, в то время как позиции, равно как и границы морали слишком шатки и относительны без религиозной опоры. Если, конечно, под словом «мораль» мы не разумеем тот чопорный этикет – набор правил лицемерной вежливости и культуры, придуманные и соблюдаемые некоторыми людьми, чтобы создать видимость своей высокой безупречности, и теми снобами, что желают на них походить. Но тебя такое объяснение не устраивает, потому что тебе этого не понять. Тебе нужно научное, логическое доказательство пользы сейчас и здесь. Ну что ж, нельзя возводить мораль в ранг науки. Она, в отличие от последней, не дает точных ответов на вопросы «как» и «почему». Если наука из раздела ума и логики, то мораль – это качество душевное, как любовь и вера. И поэтому искать логические доводы, доказывающие ее пользу, весьма глупо.

– То есть ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – перебила его МОРАЛЬ, – что нельзя подходить к морали с вопросами «для чего» и «зачем». Ты ПРАГМАТИК, ты преследуешь мирские интересы и выгоды путем

логического осмысления жизненных явлений. Для тебя имеет смысл то, что подводит человека к видимой, ощущаемой пользе посредством улучшения его внешних, жизненно-мирских условий. Поэтому, если человек отдается тебе или СТРАСТИ полностью, лишая голоса МОРАЛЬ и даже РАЗУМ, его постигает дурное внутреннее состояние, которое тебе неизвестно. Вследствие чего человек вступает в состояние мучительных угрызений совести. Иные же, имеющие слабый духовный иммунитет, подавляют, привыкают, а потом особо и не обращают внимания на это внутреннее негодование совести, ища себе же оправдания теми жалкими доводами, что ты им подкидываешь...

Слушая этот диалог, Али прошел пешком порядка трех километров, до самого дома, в котором он проживает. Он так глубоко погрузился в думы, что и не заметил, как прошел этот путь. Когда он пришел в себя, а случилось это тогда, когда он заметил огромный рекламный щит, находящийся недалеко от станции метро возле его дома, то рядом с собой уже никого не обнаружил. Он остановился возле своего подъезда и стоял как контуженный... С одной стороны, ему хотелось зайти, лечь спать и все забыть, а с другой – прогуляться, развеяться. Его голова была настолько забита тем диалогом МОРАЛИ, ПРАГМАТИКА и РАЗУМА в ходе незаметно пройденного пути, что ему просто хотелось уйти от всего. Постояв некоторое время как в гипнозе, он все же решил зайти. Для прогулок он слишком устал. Пройдя на кухню, Али достал стакан с полки шкафа, наполнил его до середины водой и, все еще пребывая в состоянии растерянности, сделал пару глотков. Затем, тяжело шагая, он прошел в ту единственную комнату, служащую ему и спальней, и рабочим кабинетом, и грузно опустился в кресло возле маленького журнального столика. Он был обессилен и внутренне потрясен. Али так сидел с минут десять. Потом веки его глаз как-то незаметно опустились, но мысли все еще крутились в голове.

– Теперь же ты убедился, кому мы принадлежим, – спокойно произнес РАЗУМ, которого Али, открыв глаза, увидел сидящим в кресле напротив себя. – Ты сегодня услышал то, что звучало в тебе и раньше. Внутренний диалог вылез наружу... Только сегодня это было по-другому: сегодня это звучало ясно и со стороны. Именно это тебя и пугнуло. Ты не можешь понять, как в тебе могли сочетаться такие плохие и хорошие качества.

– Я не думал, что я такой... Что все это может быть во мне. Когда думаешь об этом – это одно, но когда твои мысли звучат вот так, со стороны...

РАЗУМ улыбнулся и сказал:

– Все люди такие, Али, все!

– Боюсь, мне и жизни не хватит все это осмыслить... Я в растерянности... Кто вы? Зачем это все? Что это было? Кто вообще я сам? Хочу это понять и в то же время понимаю свое бессилие... От этих нагрузок мой мозг напрягается до предела, будто сейчас моя голова лопнет. Я не понимаю, в каком измерении я нахожусь, в реальном ли я мире или это мои фантазии. Реальны ли эти фантазии или это фантазии в фантазиях? И вообще, реален ли я сам?.. Может, это сон и я сейчас проснусь? Но ясно вижу, что не сон.

– Как видишь, ты в очередной раз убедился в том, насколько слаб человек. Ты ведь думал об этом раньше. Достаточно внести в его жизнь что-то необычное, чтобы загнать в тупик его рассудок и рассыпать, словно песочное строение, все тысячелетиями человечеством возводимые здания науки и совершенство логической деятельности... А ведь эти достижения людям кажутся монолитными и непоколебимыми... Али, не все, что есть, поддается человеческому пониманию. В таких случаях не надо пытаться понять само явление, куда разумнее постараться извлечь из него пользу, какую явление это может принести тебе или другим.

Али снова закрыл глаза. В нем не осталось силы слушать далее или что-либо спрашивать самому. Резко провалившись в яму сна, он уже во сне вспомнил о реальности и, чтобы удостовериться, что реальность его на самом деле была такой, проснулся и открыл глаза. В комнате была тишина, а кресло напротив было пустым. РАЗУМ исчез.

Он встал на молитву. Молился он долго и искренне. Затем лег в постель и тут же заснул.

5

Три дня спустя. Воскресенье. Книжный магазин.

Желая немножко отвлечься от своих личностей, Али решил сходить за новой порцией книг.

– Али, иди сюда! Здесь то, что тебе нужно, – кричала из отдела «Психология» СТРАСТЬ. – Ты только вслушайся в эти названия: «Как лучше удовлетворить свои желания», «На третий день она твоя», «Постель – как желанный итог...».

– Нет, нет, нет! – крикнул ПРАГМАТИК из другого отдела, – это можно и потом. Ему нужны эти книги: «Сто лучших советов для ведения успешного дела», «Быстрая карьера», «Как расположить к себе руководителя».

МОРАЛЬ, в свою очередь, голосила из отдела «Философия и религия», перечисляя имена авторов и названия книг соответствующего жанра.

– «Мысли» страдальца из Пор-Рояля ты, так и не дочитав до конца, отнес в библиотеку. В них много интересного и полезного, – говорила она. – Вовенарг и Ларошфуко тоже хороши... РАЗУМ тем временем прохаживался по рядам книжных полок различных жанров и негромко читал названия книг.

Если не считать этих выкриков, которые слышал только Али, то в магазине царила библиотечная тишина. Несколько людей смотрели книги, медленно продвигаясь по рядам. Продавщица – тучная женщина в очках – молча сидела за кассой, глазами читая какую-то книжку.

Али пребывал в состоянии раздражения. Он не мог сосредоточиться и спокойно посмотреть книги. Быстро передвигаясь по рядам тематических отделов, он, пытаясь не кричать, в бешеном напряжении шипя, велел одному заткнуться, другому помолчать, третьему исчезнуть. Несколько раз его цедающее сквозь зубы шипение было настолько громким, а движения такими резкими, что женщина на кассе пару раз отрывалась от чтения и пристально смотрела на него поверх очков, спущенных с переносицы до кончика носа. А в конце даже спросила: «Вам помочь, молодой человек?» Али вежливо улыбнулся, поблагодарил и сказал, что помощь ему не нужна.

– Ты бы хоть наушники надел, – сказал РАЗУМ, не отрываясь от книг, названия которых он продолжал читать, заложив руки за спину. – А то, чего доброго, за идиота еще сочтут.

– Это их проблемы, – тихо сказал Али, но в одно ухо наушник все же вставил.

Затем СТРАСТЬ перешла в отдел «Художественная литература» и стала рекомендовать любовную беллетристику с возрастной отметкой «16+» и «18+». ПРАГМАТИК советовал брать книги уже из отдела «Деловая литература», а МОРАЛЬ – из отдела «Культура и педагогика».

В итоге Али стоял на кассе с дюжиной книг в руках: чтобы заткнуть рты своим внутренним личностям, на его беду вылезшим наружу, он решил прислушаться к советам каждой из них.

Но, однако, этим дело не кончилось.

Когда он, с безучастным взглядом смотря перед собой в одну точку, сидел в вагоне метро, положив пакет с кучей книг себе на колени, споры его личностей все еще продолжались. Али слышал, но не слушал прения полупрозрачных джентльменов. Они спорили о том, с какой из приобретенных книг ему лучше всего начать чтение.

– Нет, МОРАЛЬ, ты не права! – возражала СТРАСТЬ. – Чтение следует начать с легкого романического чтива! Твои книги забивают голову тяжелыми мыслями, а у нашего хозяина и так голова в последнее время забита думами тяжеловесными.

– Романтического чтива? Надо же, как красиво ты назвала эту пошлость. Удовлетворение страстей дает минутное облегчение телу и на короткий миг умиряет сознание. Но спустя неко-

торое время происходит новый прилив гнетущей тоски, и для каждого последующего ее подавления требуется большая, чем в предыдущий раз, доза наслаждения. Так что, СТРАСТЬ, твое предложение – не решение, а кратковременный обман, понемногу губящий человека. Духовная пища – вот что дарит радость и не приедается...

В этот момент поезд метро притормозил на одной из станций, двери вагона распахнулись: одни пассажиры вышли, другие зашли. Среди зашедших была одна довольно габаритная женщина, которая, пыхтя, устремилась на свободное место рядом с Али. Правда, свободным это место было условно – там сидел РАЗУМ. Когда толстушка наклонилась и стала присаживаться, РАЗУМ успел лишь выдать: «О нет!» И через мгновение женщина уже сидела в полупрозрачном РАЗУМЕ, вернее РАЗУМ, значительно уступая даме в параметрах, оказался сидящим в ней.

– Вот всегда вы так, люди... Толстой тупой задницей давите РАЗУМ, – сказал он недовольно и привстал.

– ...Ничто, – продолжала МОРАЛЬ, – не дает человеку то чувство внутренней опустошенности, беспредметного внутреннего терзания и непонятно-одиноким тоски, что находит на него в минуты уединения, когда стихает хаос жизни или яркость дня, – как пустота духовная; именно духовный вакуум, духовное голодание души, даже при полном внешнем благополучии, не позволяет человеку в умиротворенной гармонии, в мире с собою и остальными, счастливо жить на белом свете. Не трудности омрачают жизнь, а неправильность ее проживания и ложное представление о ее смысле.

– Наиболее целесообразным, – заговорил ПРАГМАТИК, продолжая спорный вопрос, – будет начать изучение того, что поможет ему занять достойное место среди людей и успешно по этому месту продвигаться вверх. Это позволит душе, телу и разуму плодотворно функционировать в приятной симфонии...

Али все это уже так надоело, что он тут же последовал внезапно пришедшей в голову мысли: сунул наушники в уши и включил мелодию на всю громкость.

Поднявшись к себе, он положил книги на письменный стол, отошел немножко и плашмя повалился на кровать.

Всю эту неделю Али провел в каком-то забытийно-депрессивном состоянии. Похудел на несколько килограммов. На занятия в университете являлся с опозданиями. Не мог ни на чем сосредоточиться, не читал и не учил лекции. Короче, с той поры, когда он босиком выбежал на улицу, жизнь его походила на прозябание пьяного человека: много и отвратительно спал и мало что соображал.

Два часа сна пролетели быстро. Проснувшись, он присел на кровати и увидел сидевшего на кресле РАЗУМА.

– О нет! Каждый раз, просыпаясь, я надеюсь на то, что ты и остальные – всего лишь сон... И бывает очень неприятно убеждаться в обратном.

РАЗУМ ничего не ответил.

– А почему, – спросил Али, – вы все – мужчины? Почему, к примеру, СТРАСТЬ не женщина?

Потому что мы – твои свойства, личности, сущности, части, ипостаси – называй нас как хочешь. Будь ты женщиной – мы все были бы женщинами.

Али зевнул, подвинулся к спинке кровати и прислонился к ней спиной.

– Ты сказал, что ваша задача – мне помочь.

– Да, так и есть.

– Но, как видишь, вы мне лишь мешаете. С тех пор как мы... встретились, я похожу на живого мертвеца. У меня все в прямом смысле этого слова катится к черту. Вы нарушили привычный уклад моей жизни, внесли сумятицу в мое размеренное бытие. До того как вы

появились, я хоть к чему-то шел. А сейчас я не то что не знаю, куда идти, я даже не имею никакого желания идти. Ну так где же и в чем эта помощь?

– Не жив, не мертв, не на земле и не на небе, – произнес РАЗУМ тоном, которым декларируют стихи, проигнорировав вопрос. – Честно говоря, я предвидел это твое состояние неведомости. Но немножко ошибся в расчетах: думал, что придешь в себя дня через два-три, а ты и неделю спустя не можешь оклематься. Ты просто не можешь смириться с противоречивостью своего внутреннего мира. Ведь это похоже не просто на раздвоение личности – о нет! Здесь личность дробится, расщепляется на множество частей, – говоря это, он скользнул взглядом по обложке книги Дэниела Киза «Таинственная история Билли Миллигана», лежавшей на полке небольшого книжного шкафчика, – по сравнению с которыми твой Билли Миллиган, так сказать, отдыхает... Так и с ума сойти недалеко, правда? – На лице РАЗУМА появилась самодовольная улыбка. – Ладно, поговорим серьезно. С ума ты, конечно, не сойдешь. А вот...

– А может, я уже сошел? – резко спросил Али.

– Нет, мы не галлюцинации, мы – реальность. Правда, реальны мы лишь для тебя.

– У сумасшедших тоже своя реальность.

– Нет, их реальность – это выдумка психически нездорового сознания. А ты абсолютно здоров.

– И это мне говорит какое-то полупрозрачное существо, сидящее напротив меня и называющее себя моим разумом... Очень убедительно!

– Со временем ты сам все поймешь, – сказал РАЗУМ. – А что касается твоего состояния и той пользы, которую мы можем тебе принести... Скажи, если бы какому-то деревенскому парню дали сразу столько знаний, сколько было у всех ученых прошлого, а с начала XX века и у лауреатов Нобелевской премии по всем номинациям, как думаешь, в каком состоянии он пребывал бы?

– Думаю, что ему было бы очень дурно. Но к чему ты клонишь? Я ведь не получил этих знаний?

– Ты так думаешь? Ты получил возможность познать суть человека таким способом, о котором все эти ученые могли только мечтать. Открой глаза шире, Али! Взгляни на все это со стороны. Встань, встряхни голову и начни действовать. У тебя есть возможность найти ответы на многие вопросы, познать то, что ты так давно желал познать, заглянуть в те глубины, куда никто не мог и не может заглянуть... кроме тебя. Как много отдали бы антропологи, философы, психологи и многие другие, чтобы иметь ту возможность, которой ты обладаешь, но не ценишь. Не бойся себя! Не бойся дурных желаний своей СТРАСТИ, эгоистического расчета ПРАГМАТИКА, духовных идеалов МОРАЛИ и так далее. Посмотри на это как бы со стороны, делай выводы. Лепи себя, воспитывай, куй! Ты не законченный продукт – ты все еще можешь себя совершенствовать!

– Я хочу жрать!

– В смысле? – спросил РАЗУМ.

– Кушать я хочу! Чего тут непонятного?

– О! Это хорошо... очень даже хорошо!

Когда у человека аппетит пропадает из-за душевных переживаний, а потом, спустя какое-то время, причина переживаний проходит и к внутренне омраченному его миру начинают пробиваться светлые лучи спокойствия и умиротворения, хотя бы немножко рассеивающие предмет печали, то человек первым делом ощущает голод. Натуральный, здоровый, физический голод.

Примерно это и случилось с Али.

В ходе обысков на кухне обнаружилось, что еды у него нет: холодильник и кухонный шкаф были пустыми. Везде валялись опорожненные бутылки из-под разных соков, энергетических напитков и простой воды. Али оглянулся вокруг, почесал затылок и протяжно зевнул.

Но про себя он уже решил, что будет делать.

6

– Приятного аппетита, – сказала официантка, поставив на стол, устланный разными кушаньями (это был ее второй заход с большим подносом), последнее блюдо.

Али сидел в закуской, расположенной недалеко от его съемной квартиры.

– Это какое-то греховное чревоугодие, – укоризненно сказала МОРАЛЬ. – Зачем так много брать? Все равно ведь все не осилишь.

– Отвали! Я голоден!

– Прием пищи в таком количестве навредит твоему здоровью, прибавит лишние килограммы и испортит форму тела. Ты станешь толстым, ленивым уродом, который ничего стоящего в этом мире не добьется, – сказал в свою очередь ПРАГМАТИК.

– О, надо же! ПРАГМАТИК и МОРАЛЬ пришли к единому мнению, – сказал Али, запивая чаем еду, которой он набрал полный рот, смачно прожевывая и проглатывая.

– Они болтают лишнего, братишка! Это вкусно, а ты голоден – кушай в свое удовольствие!

– Вот, – сказал Али, в очередной раз набивая рот порцией еды, – вот СТРАСТЬ дело говорит!

– Важно получить удовольствие здесь и сейчас, – продолжала СТРАСТЬ, довольная успехом своего предложения, – ведь будущее – это темный лес, ответственность за которое лежит на судьбе, а не на человеке. Разве не так, святоша? – обратилась она к МОРАЛИ.

– Ты не путай тупой фатализм с верой в судьбу, это разные вещи, – парировала МОРАЛЬ.

Чем больше Али кушал, тем живее и задорнее он становился. К нему возвращались какие-то не совсем здоровые психические силы, приправленные жаждой поддевки и сарказма. То унылое, ступорозное состояние, овладевшее им в последнее время, резко сменилось какой-то болезненной активностью.

– Ну а ты что молчишь? – обратился он к РАЗУМУ, запивая чаем в очередной раз проглоченную порцию еды. – Ты же РАЗУМ! Скажи что-нибудь умное! Порази остротой мысли!

– Хочешь жрать – жри. Только жри молча или говори потише. Не забывай, для этих людей ты здесь один сидишь.

– Ха-ха-ха! Я тебя спросил не о мнении людей... А может, мне опять наушники в ухо сунуть, чтобы они подумали, что я с кем-нибудь из реальных болтаю, а?! Это ведь ты мне сегодня утром подсказал такой приемчик. И вообще, какого черта тебя волнует мнение людей?

– Я не заинтересован испортить твою жизнь, если ты не забыл.

– О, какая забота! Да ты не РАЗУМ, ты мама!

Произнеся слово «мама», он на миг осекся, ноздри вздулись, а глаза мгновенно увлажнились. Это еще больше прибавило в нем раздраженного задора, и он обратился к людям, которые уже настороженно наблюдали за ним, побросав свои вилки, ложки и ножи.

– Люди! Скажите мне, а вас беспокоят ваши страсть, разум, мораль и так далее, а? А меня беспокоят! Вот они, эти... Вот этот вот, – он указал на место рядом с собой, – это РАЗУМ. Смотрит на меня так недовольно. А этот, – указал он прямо напротив себя, – это СТРАСТЬ моя. Вот здесь сидит ПРАГМАТИК... это он так представился, представляете – «ПРАГМАТИК». – Али расхохотался. – Ну а рядом с ним сидит МОРАЛЬ. Но у вас они тоже есть, у каждого есть! Только вы их не видите и не можете с ними говорить! А я вот могу. Более того...

Официантка, которая приносила ему еду на подносе, некоторое время понаблюдав эту сцену, направилась к заведующему. Постучавшись, она вошла:

– Извините, Олег Васильевич, там один посетитель ведет себя как-то странно.

– Что случилось?

– Не знаю, он громко разговаривает сам с собой, потом обращается к другим клиентам. Сейчас там все разбегутся.

– Пьян, что ли?

– Да вроде нет. У нас он спиртного не заказывал, да и вел себя вначале как-то прилично.

– Хорошо, я разберусь. А вы занимайтесь своими делами.

Когда заведующий вошел в зал, Али вовсю разошелся. У кого-то на лице отражалось удивление, у кого-то сочувствие, у одних недовольство, у других улыбка.

– Извините, с вами все в порядке? – вежливо обратился к нему подошедший Олег Васильевич.

– Да, я в полном здравии... может быть. Но не пьян, это точно!

– Прошу прощения, но вы своим поведением пугаете наших посетите...

– Это их проблемы, – оборвал его Али. – Впрочем, я уже ухожу.

Затем он рассчитался и вышел. Тут же взял такси и поехал в свое меблированное логово. Войдя к себе, Али плюхнулся в кресло. Он находился в том редком состоянии, когда на него находила тоска одиночества. Он вспомнил о прошлом. Слово «мама», как бы случайно вырвавшееся у него в кафе, так и не выходило у него из головы, и теперь он мог свободно предаться тем тяжелым воспоминаниям из детства, сопряженным с этим словом. «Мама», – сказал он тихо, и глаза его вновь увлажнились. В памяти сотый, тысячный раз всплывала одна и та же картина.

7

Когда в 1994 году началась первая российско-чеченская война XX века, семья Али переехала в их родовое селение Урус-Мартан (хотя селение это и имело статус города, оно по внешним признакам и образу жизни его жителей все же походило на большое село), которое позже было объявлено «договорным», или «мирным», то есть свободным от войны. К концу зимы, после тяжелейших боев и многих провальных атак федералов, в ходе которых Грозный был практически полностью разрушен, город, наконец, был занят российскими войсками, а группы чеченской повстанческой армии отошли в горные и предгорные районы и селения, где и продолжались дальнейшие военные действия. Мирное население, в числе которого была и семья Али, к началу весны потянулось в город. Они поселились в одной-единственной уцелевшей комнате. Пока отец семейства восстанавливал остаток дома, мать, Мадина, еще задолго до начала войны работавшая педиатром в районной детской поликлинике, устроилась на прежнее место работы. Периферийно шли бои, заключались перемирия, проводились переговоры между чеченскими и российскими сторонами; в боях разрушенном Грозном проходил процесс налаживания жизни при новой власти. На дворе был уже 1996 год. Мать каждый день, возвращаясь с работы, готовила ужин, убирала посуду, стирала, а потом садилась с сыном учить буквы и писать по прописям. В сентябре Али нужно было пойти в школу в первый класс, и поэтому она спешила подготовить его, потому что за два года военной суматохи Али очень сильно отставал. Она уже купила ему школьную форму, в которую по вечерам часто его наряжала, чтобы полюбоваться им. «Мама, – говорил Али, – почему ты всегда купаешь меня, а потом надеваешь эту форму, хоть мы никуда и не идем?» – «Потому что, – отвечала Мадина, поправляя воротник его пиджака и зачесывая руками волосы, – хочу видеть, как мой прекрасный мальчик пойдет в первый класс». – «Но ты же все равно это увидишь», – не понимал Али. «А кто его знает... Даже если и увижу, я хочу видеть тебя снова и снова», – говорила она, обнимая и целуя своего ребенка в макушку. Ей не суждено было дожить до того дня.

В это время среди мирного населения ходил слух, пущенный самими ополченцами, что в ближайшее время отряды чеченской обороны планируют проникнуть в город и атаковать позиции федеральных сил. Даже разбрасывались соответствующие листовки. Одни, учитывая довольно успешную мартовскую атаку на город того же года, осуществленную ополченцами, поверили и вторично покинули Грозный, а другие, к числу которых принадлежала и семья Али, решили остаться, сказав «Будь что будет». Принять такое решение помогало и российское телевидение, по новостям которого русские военные заявляли, что чеченское сопротивление полностью разгромлено и что в горах идет процесс «добивания» вражеских остатков.

Меньше чем через месяц после этого, 6 августа 1996 года, группы чеченских ополченцев количеством примерно в одну тысячу человек прорвались в город с разных сторон... и начались полномасштабные военные действия. Грозный в очередной раз был объят интенсивными уличными боями. Все посты и укрепления российских военных были заблокированы и атакованы. В разных частях города полыхала подбитая техника.

Али ясно помнил это звучное колебание войны: шипение низко летящих накалившихся пуль, затаенное посвистывание словно повисших в воздухе снарядов, гулкое эхо достигших цели бомб, треск автоматного-пулеметного очереди, рокот реактивных двигателей истребителей, идущих в пикет для ракетно-бомбовых ударов, и многое другое. Земля и все строения относительно небольшого города содрогались от глубинных бомб, ракет и снарядов так, как содрогается тело живого человека, по которому наносятся удары дубинкой.

Отец Али, Ибрагим, в это время испытывал сильное недомогание из-за пищевого отравления, полученного накануне вечером. Он лежал в постели с повышенной температурой, в бессильном раздражении пытаясь добиться того, чтобы Мадина оставила его в покое и пошла

в укрытие, взяв с собой Али. Под конец, когда бомбы начали падать все ближе и ближе, он собрал все силы и кричал на нее, веля делать то, что он ей говорит. Мадина, в которой материнское чувство взяло верх над любовью к супругу, мигом схватила Али и побежала в укрепленный подвал трехэтажного соседнего дома, находящегося напротив через улицу. Сюда бежали жители почти со всего квартала, оставшиеся безвыездно в городе. Кругом шли бои, попытаться выйти из города было равнозначно самоубийству. Многие из тех, которые все же рискнули, погибли, попав под обстрел. Поэтому людям не оставалось ничего другого, кроме как ждать в укрытии.

Мадина, держа Али на руках, быстро перебежала через улицу и спустилась по бетонной лестнице в темный подвал. Память слуха Али резко сменилась памятью обоняния и визуальности. Он вспомнил этот прохладно-сырой, едкий запах, пропитанный сигаретным дымом, пускаемым тремя сидящими у выхода худыми взрослыми мужчинами. Мадина, все еще не отпуская Али, прошла чуть дальше, в другую комнату, и опустила мальчика на землю. Это было довольно обширное помещение, слабо освещаемое с двух противоположных сторон тусклыми лучами керосиновой лампы и свечи. Свеча стояла на правой стороне, между кучки мужчин, играющих в карты. С левой же стороны, где стояла керосиновая лампа, доносились приглушенно звучащие голоса встревоженных женщин, часто делающих замечания своим маленьким детям, которые постоянно чего-то просили, о чем-то спрашивали или играючи спорили между собой.

Для не раненых и не убиенных чеченских детей, члены семей которых к тому же были живы, война представлялась делом забавным и интересным. Каждый раз, когда взрывалась бомба, эхом которой выбивались оконные рамы и сотрясались стены, они улыбались и говорили: «Ух ты, как грохнуло!» – и делились друг с другом впечатлениями. Особым их интересом было наблюдать, как истребители пикировали и пускали попарно свои смертоносные ракеты – шуф-шуф-шуф, после чего раздавалось оглушительное бах-бах-бах. И взрослым каждый раз чуть ли не насильно приходилось таскать своих чад в подвалы. Отдельным предметом потехи и забавы этих маленьких гордецов были взрослые: их взволнованно-испуганные лица, то, как они резко приседают и велят им делать так же при каждом близком взрыве, – все это вызывало в них демонстративные усмешки, на фоне которых они себе казались более храбрыми и стойкими, чем эти умные и опытные взрослые.

– Мадина, это ты? – раздался голос из левой кучки. – Что ты там стоишь, иди сюда.

Это была соседка Залина. Взяв Али за руку, Мадина подошла к женщинам.

– А где твой старик? – крикнул мужчина из правой кучки. Мадина узнала этот голос – это был Хезир, муж Залины. – Что, решил характер показать? – спросил он в своей обычной шутиливой манере.

– Болеет, отравился вчера.

– Э-э, ерунда это! Болезнь – это всего лишь хороший повод для него делать то, что он сделал бы и без болезни.

– Может, притащим его? – предложил какой-то мужчина из их группы.

– Бесполезно, – ответил Хезир, – он упертый тип со сложным характером.

– Я ходил к ним, как только начались бои, – сказал кто-то третий, тоже сосед. – Он действительно болеет. Но когда я предложил ему помочь спуститься сюда, он меня и слушать не стал.

В этот момент раздался сильный взрыв, все затряслось, а из щелей потолка, где стыкуются бетонные плиты, посыпалась песочная пыль. Мадина было устремила к выходу, но Хезир, заметив это, сказал: «Это не здесь... Это чуть дальше». И при каждом повторном взрыве он успокаивал ее теми же словами: «Это чуть дальше, не здесь». На автоматную трескотню и приглушенный гул дальних взрывов никто не обращал внимания, но когда случались взрывы,

от которых с потолка сыпался песок и тряслись стены, утопленные в землю до самого потолка, – в такие минуты все в подвале замирало, воздух пропитывался какой-то безмолвной, смертельной тревогой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.